…циалистическая Академия
Библиотека международной политики
под общей редакцией
Ф. Ротштейна

Э. Шульце

БОРЬБА
ЗА ПЕРСИДСКО-МЕСОПОТАМСКУЮ НЕФТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ НОВЬ“
МОСКВА 1924 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
(КАБИНЕТ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ)

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ф. РОТШТЕЙНА

Эрнест Шульце

БОРЬБА
ЗА
ПЕРСИДСКО-МЕСОПОТАМСКУЮ НЕФТЬ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО Н. М. КАЧКАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 14.563. Тираж 10.000 экз.

Типогр. „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Москва, Пименов. ул., д. 1/1

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Не так давно еще в наших публицистических кругах делалась попытка сводить соревнование империалистических держав к одному основному центру—к нефти. Хлопок, уголь, железо,—все это отодвинуто было на задний план: отныне борьба империалистических колоссов должна была вращаться вокруг нефти, и от нее должна была пойти следующая очередная всемирная война. Рурская эпопея показала, что такая конструкция была неправильна. Несмотря на все огромное значение нефти для промышленности, а еще более для транспорта, в частности морского, несмотря на всю страстность, с какой, при новизне открытия, капиталистические державы набросились на нее со всех сторон,—ни уголь, ни железо нисколько не потеряли своего значения и так же легко могут стать предметом и причиной мировой свалки, как и нефть. И не только уголь и железо. Вкусы капитализма универсальны, и совершенно ошибочно сводить их к одним минералам и металлам. Еще недавно Германия тянулась к Месопотамии не ради нефти, а ради хлопка, и в настоящее время в Китае закипает новая борьба за железные дороги. Не сами по себе предметы эксплоатации, как бы они важны ни были, играют решающую роль в судьбах современного мира, а возникновение и существование могучих капиталистических объединений, воплощающих и концентрирующих в себе всю силу капитализма данных стран и подчиняющих себе весь политический и государственный их аппарат. Если на более ранних стадиях развития капитализма государство, в самом широком смысле, являлось орудием всего капиталистического класса и поэтому должно было балансиро-

вать между различными его составными частями, не одинаковыми по силе и значению, но все же в общем, взаимозависимыми и взаимно уравновешивавшимися, то в эпоху империализма, характеризующуюся образованием по той или другой линии—банковской, промышленной, транспортной и т. д.—огромных и всесокрушающих концернов, государство должно было стать орудием именно этих образований, а не капиталистического класса вообще. Отныне старый термин „буржуазное государство“ перестает быть точным и теряет свою выразительность наподобие истертой монеты: государство становится совершенно определенно государством Стиннеса или Комите де Форж, заинтересованных в угле и железе, или Маркуса Самюэля или Рокфеллера, заинтересованных в нефти, или любого другого объединения, которое может возникнуть рядом с ними или на месте их и собрать в свой кулак значительнейшую часть тех или иных национальных или мировых ресурсов. От них, от этих левиафанов капитализма, зависит жизнь и смерть народов современного капиталистического мира, и более или менее случайным является то, вокруг чего они в данный момент группируются.

В последние годы до войны нефть, на-ряду с углем и железом, стала кристаллизационным пунктом для мощных финансово-промышленных образований в различных странах, но только в одной Америке компания Стандард Ойль достигла такого могущества, чтобы стать первоклассной политической силой, подчинявшей себе и государство. Перед самой войной Англия, изобревшая дредноуты, стала переводить свой военный флот на жидкое топливо, и этот эксперимент блестяще оправдал себя на опыте войны. Английское правительство само занялось нефтяным делом и вступило крупнейшим пайщиком в Персидское Нефтяное Общество, само связанное с большим нефтяным синдикатом „Шелл-Транспорт“. Последний не замедлил слиться с англоголландским синдикатом „Рояль-Датч“, и таким образом образовался гигантский концерн, вскоре объединивший все английские нефтяные компании. Нефть сразу приобрела мировое значение: отныне ее олицетворяли два могуществен-

ных капиталистических образования, одно американское, а другое английское, из коих каждое пользовалось решающим влиянием в государстве, направляя политику правительства и даже влияя на личный состав его. В Америке нефть, несмотря на свои жидкие свойства, создала, между прочим, солидную базу для панамериканизма, о котором в Соединенных Штатах до сих пор говорили лишь в сантиментальных тонах, но который сейчас приобрел реальную значимость в виду наличия огромных запасов нефти не только в Центральной, но и в Южной Америке, в то время как в Англии „восточная" школа политиков нашла себе новое оправдание в существовании нефтяных залежей в Персии и Месопотамии.

Настоящая книжка как-раз и посвящена персидско-месопотамской нефти. Написанная немцем во время войны с целью, повидимому, объяснить своим соотечественникам малознакомый им аспект борьбы, загоревшейся на месопотамском фронте, она, однако, содержит большой фактический материал и мало пострадала от специфически-германской точки зрения автора. Перевод ее тем более казался целесообразным, что ближайшая стадия развития международной борьбы за нефть, которая и нас может легко задеть, вероятно, перенесется именно в эти области. Моссульская нефть уже играла значительную роль на Лозаннской конференции, столкнув между собой Англию и Америку, а отчасти и Францию. Настаивая на принадлежности Моссула к Ираку, Англия отводит суверенные права Турции на моссульскую нефть и обеспечивает ее за собой. Напротив же, Турция, выдавая железнодорожно-горную концессию американской компании, возглавляемой Честером,—концессию, которая охватывает и Моссульский район, не только утверждает над ним своей суверенитет, но и сталкивает Стандард Ойль с его английским конкурентом. Еще более острая борьба завязывается на севере Персии, некогда составлявшем русскую сферу влияния, а потому expressis verbis исключенном из концессионного договора Персидского Нефтяного Общества. Во время нашего отсутствия по причине революции это общество приобрело у Хоштария, владельца нефтяной концес-

сии в пяти северных провинциях, его права, но так как эти права в свое время не были утверждены меджилисом, а мы сами договором 1921 г. объявили все русские концессии в Персии аннулированными, то англичане не имели и до сих пор не имеют возможности реализовать их. Но пока наше отсутствие продолжалось, англичане могли, по крайней мере, надеяться, что добыча, так или иначе, останется за ними. Но в 1921 г. Россия вновь появилась в Персии, а вскоре затем само персидское правительство вошло в переговоры со Стандард Ойлем, предлагая ему в концессию всю северную нефть. Персидское правительство совершило тут ошибку, не учтя значения 13-й статьи русско-персидского договора, запрещающего без нашего согласия переуступку бывших наших концессий гражданам третьей державы. Кроме того, сам Стандард Ойль, не рассчитывая на нашу помощь в смысле предоставления ему транзита для доставки материалов, для оборудования концессии, а позднее для транспортирования самой нефти вошел в соглашение со своим английским соперником и тем самым придал своему предприятию крайнюю одиозность в глазах персидского народа. В результате предоставленный ему персидским правительством опцион был аннулирован, и ему на смену явилась другая богатая американская нефтяная компания—Синклер, которая готова работать независимо от англичан и притти к соглашению с нами. Борьба между тремя претендентами, к которой и мы не можем оставаться безучастными, начинает сейчас лишь развертываться, и настоящая книжка может в ближайшее время приобрести актуальный политический интерес. Независимо от этого, она представляет значительную ценность для каждого изучающего историю международной борьбы за нефть.

Ф. Р.

1. Политико-экономическое значение Месопотамии и Персии.

Боям у Тигра не будет дано должной оценки, если их рассматривать только как борьбу двух армий, цель которой—испытать силы противника или заставить его отступить на несколько километров. Им должно быть придано также и величайшее политико-экономическое значение. Англичане очень хорошо знают, почему они придают такое большое значение этому театру военных действий, если они, после капитуляции генерала Таунсхенда со всем его войском в излучине Кут-эль-Амары в начале 1916 года, год спустя вторично повели наступление в том же направлении со значительными силами, после того как им еще в 1915 г. удалось прогнать турок из Гурны, у места слияния Тигра с Евфратом, и заставить их отступить на север.

На этом театре военных действий вопрос касается двух важнейших продуктов сырья: хлопка и нефти, не говоря уже о политическом значении этой области.

Уже много лет, как мир страдает от хлопкового голода. Быстро возросшее потребление хлопка превысило его производство. Повсюду стали открываться новые бумагопрядильни, при чем последние открываются и в странах, производящих хлопок. Вследствие этого стал ощущаться недостаток хлопка в странах, издавна занимающихся бумагопрядильным производством, особенно в Англии. Бумагопрядильни в Ланкашире вынуждены были еще задолго до войны сократить свое производство, вследствие невозмож-

ности заручиться достаточным количеством сырья. Кроме того, приходилось, стиснув зубы, подчиняться обстоятельствам: так, напр., в манчестерских доках возмущались каждый раз, когда выгружались плохо (чтобы не сказать: отвратительно) упакованные тюки американского хлопка, рассеявшие вследствие этого часть своего содержимого, в то время как египетский хлопок, урожай которого, благодаря более равномерному солнечному воздействию, выпадал значительно более однородным, разгружался тут же рядом в аккуратных, безукоризненно упакованных и перевязанных тюках. Едва ли представлялось возможным требовать более добросовестной упаковки от американцев, сознавших всю ценность своего обладания монополией. Поэтому уже с давних пор Англия зорко следит за всеми возможностями присоединения хлопковых областей или за насаждением плантаций в уже приобретенных областях. „British Cotton Growing Association“ умело и энергично принялось за разведение хлопка в британской Ост- и Вест-Индии, в Уганде и других частях Британской империи.

Нуждаясь в каком-нибудь продукте сырья или только рассчитывая выгодно использовать его для собственного производства или для мировой торговли, Англия обычно высматривает, кто его производит или имеет возможность производить. Этим обстоятельством и объясняется преобладание экономической ориентации во внешней политике Англии в течение последних столетий. Много территориальных „приобретений“ до войны явилось следствием этой политики; стремление приобрести новые хлопковые области сыграло при этом, конечно, немаловажную роль. Я сошлюсь хотя бы на расширение территории у северо-африканского побережья и на аннексию большой полосы сиамской земли, произведенную без шума, „мирным путем“.

Та же исходная точка зрения обусловила и продвижение англичан в Аравии, систематически имевшее место уже за много лет до войны; впрочем, при этом играл, пожалуй, большую роль политический фактор, выявившийся в стремлении оградить проволочными заграждениями оба берега Суэцкого канала.

Совершенно очевидно,—некоторые английские газеты, и особенно колониальные, открыто признают это,—что месопотамский поход нужно рассматривать как следствие потребности Англии в новых хлопковых областях. Что Месопотамия в силу своих благоприятных климатических условий имеет все шансы стать одной из важнейших областей мира по возделыванию хлопка,—давно всем известный факт. На это ясно указывает то усердие, с которым Великобритания поощряла начатые Вилькоксом работы по орошению Месопотамии. Еще прежде, чем современная техника принялась за разрешение задач орошения, было уже известно, что оросительная система должна будет не только повысить продукцию этой области, но что, благодаря ей, окажется возможным возделывание хлопка и там, где раньше это было невозможно. В этом же смысле высказался и немецкий путешественник Бурхардт в описании своего путешествия по Аравии еще в XVIII веке: „Всюду, где только земля может быть орошена колодезной водой,—пишет он,—она делается плодородной". Та же мысль время-от-времени проскальзывает и в английских географических работах в первой половине XIX века. В отношении области Двуречья надо сказать, что тут сыграли некоторую роль и „историко-религиозные воспоминания". Народу, крепко держащемуся за библию, каковым являются англичане, естественно, приходит в голову проводить сравнительную параллель между плодовитостью Вавилона несколько тысячелетий назад и его хозяйственным запустением в настоящем.

Англия очень ловко сумела побудить турецкое правительство пригласить Виллиама Вилькокса для обследования оросительных возможностей Двуречья. Ему удалось установить, благодаря многочисленным съемкам поверхности и водомерным работам, что является вполне возможным пробудить от сна то богатое царство, которое было создано в древности в низменной области между Тигром и Евфратом (арабский Ирак). Подтверждением этого предположения является тот факт, что упадок экономического расцвета Вавилона совпал с разрушением каналов, начав-

шимся во время военных беспорядков перед концом калифата. Когда в 1200 году через страну ураганом пронеслось нашествие монголов, то каналы и плантации оказались сравненными с землей. Таким образом, эта плодородная страна превратилась в своей возвышенной части в песчаную пустыню, а в низменной—в болото. Низменная область между обеими реками, занимающая площадь в 5 милл. гектаров, в своей северной и средней части пустынна или покрыта колючими растениями и в незначительной степени кустарником, в южной же почти сплошь покрыта болотами. В последние мирные годы было возделано только 200 тыс. гектаров, что составляет 25-ю часть всей площади. Как только страна будет культивирована, т.-е. будут восстановлены все необходимые оросительные и осушительные сооружения, то в области Двуречья окажется возможным взращивать все то, что взращивается и в Египте. Особенно блестящи условия для насаждения хлебов и хлопка. Температурные условия Двуречья для последнего, по меньшей мере, так же благоприятны, как и в Египте [1]. Сходны и водные условия, при чем последние в Двуречье даже более благоприятны. Так, природа одарила Вавилон таким распределением вод, которое значительно благоприятнее, чем в Египте. Что в последнем достигнуто при помощи дорого стоивших сооружений, особенно благодаря Ассуанской плотине, дается самой природой Двуречья. Плотина в Ассуане обошлась в 100 милл. марок, при чем там имеются и недостатки, такие, как понижение качества хлопка при орошении его водой запруды, вследствие отложения занесенного в водоем ила.

В области Двуречья не пришлось бы бояться этого.

Оросительный план, составленный Вилькоксом, предусматривает возможность засева площади в 1.400.000 гектаров, с затратой 550 милл. марок. По его исчислениям, орошенная таким образом площадь могла бы давать ежегодно $1\frac{1}{2}$ милл. тонн зерна и 1 милл. тюков хлопка, что соста-

---

[1] С марта по май температура соответствует t^0 Каира, с июня по сентябрь—t^0 Ассуана.

вило бы $^2/_3$ урожая Египта, стоимостью от 400 до 500 милл. марок [1]).

Однако, планы Вилькокса, как ни умно они были задуманы, потерпели неудачу. Хотя турецкое правительство и уполномочило лондонскую фирму Sir John Jackson, Limited приступить к выполнению работ по набросанному Вилькоксом плану, но уже в самом начале произошли такие трения, что однажды багдадский вали потребовал от константинопольского правительства немедленного уничтожения договора по той причине, что работа, произведенная Вилькоксом, ни к чему, кроме колоссального швыряния денег, не привела. Последний уехал тогда, не получив даже отпуска, в Южную Америку. Не входя в рассмотрение причин подобного рода трений,—заключались ли они в технической неподготовленности к работе, или в политической борьбе, которая велась за кулисами,—укажем только на то, какое значение придавалось уже задолго до войны правящими кругами Англии культурному возрождению Двуречья, в котором они думали обрести новый источник хлопка [2]).

Как выше упоминалось, в Англии уже с самого начала войны громко заявляют о желании присоединить эту область к числу английских владений, рассчитывая получить таким образом больше сырья для своих бумагопрядилен. Однако, стремление к захвату области Двуречья было вызвано еще и другой причиной: там представляется возможным добывать, кроме хлопка, также и нефть в большом количестве.

Как-раз перед самым началом войны английское правительство взяло под свой контроль расположенные непосредственно по соседству нефтеносные земли в

---

[1]) Немецкие исследователи предостерегают, напротив, от чрезмерной переоценки возможной там площади засева.

[2]) См. по поводу возможностей сельскохозяйственного использования Вавилона статью проф. Dr. Hugo Prinz, Kiel: „Babyloniens Landwirtschaft einst und jetzt" (Weltwirtschaftliches Archiv, herausgegeb. von Pr. Bernhard Harms, Kiel. Jena. Gustav Fischer 1916. Bd. 8. Heft 1—28), а также гл. III из Grothe „Türkisch-Asien und seine Wirtschaftswerte" (Франкфурт н/М. 1916).

Южной Персии, приняв на себя такую значительную долю участия в „Anglo-Persian Oil Company", что даже нижняя палата, одобрившая все прочие относящиеся сюда правительственные планы, выступила против этого с критикой. Даже еще и в 1916 г. руководящие английские органы печати, как, напр., „Economist",—не одобряли участия правительства в этом предприятии в таком большом размере.

Обстоятельством, сыгравшим решающую роль в решении английского правительства войти пайщиком в дело, были работы специальной комиссии под руководством вице-адмирала Эдмонда Слейда, произведенные между октябрем 1913 г. и январем 1914 г. в Южной Персии. Пресса обошла этот факт полным молчанием; комиссия же, обследовав в полной тайне достаточное число нефтяных участков Англо-Персидского Нефтяного Общества, сделала правительству очень благоприятный доклад о своих изысканиях.

2. Вторжение Англии в нефтяной район Персии в 1914 г.

В общем и целом мы должны признать смелый шаг английского правительства в высшей степени мудрым. Адмиралтейству было на пользу тогда, что во главе его стоял Уинстон Черчилль. Как бы ни были сильны отрицательные стороны этого неугомонного и хвастливого человека, одно у него неотъемлемо: он храбро разрешает все стоящие перед ним задачи. Если бы эту должность занимал в то время морской офицер, лет на 30 старше его, то, пожалуй, адмиралтейство не ухватилось бы обеими руками за нефтеносные земли Персии, давшие уже большие преимущества во время войны и обещающие значительный доход казне после заключения мира.

Черчилль принял свое решение очень быстро и провел его без лишнего промедления. В 1912 г. новое датское моторное судно „Зеландия" бросило якорь в Лондоне, возвращаясь из своей первой поездки в Ост-Индию. Оно ни разу не пополнило своих запасов нефтетоплива в течение всего своего рейса, тогда как суда с угольными топками были бы

вынуждены много раз пополнять свои запасы угля, чтобы пройти тот же путь. Как только Черчилль, тогда первый лорд адмиралтейства, услышал о прибытии „Зеландии“ в Лондон, он оповестил о своем желании посетить это судно прежде, чем оно отправится дальше в Копенгаген. При этом посещении ему стали так очевидны большие преимущества нефтетоплива, что он тут же принял важное решение в кратчайший срок перевести на нефтяное топливо весь английский военный флот, работавший до того времени на угле. Это давало возможность сократить на одну треть объем хранилищ топлива, уменьшить размер топок и поместить их на более выгодном месте судна, при чем топки стали бы более выносливыми, не покрывались бы шлаком, не портились бы от серы, пристающей к стенкам котлов и содержащейся даже и в лучшем сорте угля, — одним словом, нефтетопливо давало огромные преимущества.

Черчилль принял это решение, не передав, как это делалось обычно, вопроса о переходе со старой на новую систему на рассмотрение специальной комиссии, которая корпела бы над ним, может-быть, целые годы, а то и десятилетия. Так же быстро привел он его в исполнение. В июне 1914 г. он вошел в нижнюю палату с ходатайством об отпуске ему кредита в 44 милл. марок для приобретения акций „Англо-Персидского Нефтяного Общества“, дав ему подробное обоснование.

Он заявил, что английский флот и во время войны не будет терпеть нужды в нефтетопливе при условии, что Великобритания сохранит свое превосходство на море и будет в состоянии охранять нефть на пути следования. Во время войны доставка нефти будет зависеть от двух факторов: от цены на нефть и от реальной силы флота. Нефть могла бы быть доставлена из Персии по двум путям: через Суэцкий канал или вокруг мыса Доброй Надежды. По всей вероятности, пришлось бы пользоваться этим вторым путем, так как распределение английского флота делает более легкой охрану этого пути.

На замечание, что Англия ставит топливную нужду своего военного флота в зависимость от произвола большой

военной державы (подразумевалась Россия), Черчилль возразил, что английские суда потребляют, главным образом, уголь, и что часть флота, нуждающаяся в нефтяном топливе, будет только отчасти зависеть от ввоза из Персии, что к тому же Англия вполне обеспечена нефтетопливом на долгие годы войны. С национальной точки зрения, самое худшее из того, что могло произойти, был бы захват сильной военной державой английского торгового предприятия за границей, в котором было бы заинтересовано и правительство. Однако, нет никаких оснований допускать такого рода возможность.

Но не прошло и года, как эта возможность стала фактом. Правда, в течение дальнейшего полугодия Англии удалось не только выбить турок из захваченной ими нефтяной области Персии, но и откинуть их далеко на север; но позже английские войска оказались окруженными в Кут-эль-Амаре и вынуждены были капитулировать.

Возвратимся, однако, к прениям по вопросу о персидской нефти в нижней палате за несколько недель до начала войны. Во время этих прений унионист Ллойд запросил правительство, что оно намерено предпринять в случае попытки вторжения в нефтеносные области, лежащие посреди воинствующих племен. Черчилль ответил, что то, что он сказал по поводу захвата сильной военной державой, относится в еще большей степени к обыкновенным набегам туземцев. „Безопасность жизни и имущества в нефтяном районе вдоль трубопровода охраняется сейчас персидской стражей, поставленной персидскими властями; с некоторых пор в той местности царят мир и спокойствие, и английское правительство намерено и в дальнейшем положиться на туземную полицию и на жандармерию персидского правительства в деле защиты трубопровода; вложенный капитал, развитие шоссейных и железных дорог и промышленности, в котором заинтересованы одинаково как персидское правительство, так и туземные племена, наконец, нефть, дающая выгоды обеим сторонам,—все это способствует упрочению правительства и приручению туземцев“ (смех). В заключение Черчилль просил палату принять во внимание также и роль правительства, как крупного потребителя нефти.

Затем выступил сэр Эдуард Грей, министр иностранных дел. Он сообщил, что персидские племена признали тот факт, что охрана нефтяных промыслов входит в их же собственные интересы. Грей указал на большое значение достигнутого обществом расширения английской торговли в Южной Персии. Англия заинтересована в том, чтобы ее торговля там не была уничтожена наступающей с севера Россией. Если говорилось об опасности, угрожавшей нефтеносным областям со стороны соседей, имеющих в своем распоряжении большие армии, то разумелись Россия и Турция.

„Я твердо верю,—сказал он со свойственным ему многословием,—что мы сохраним дружеские отношения с этими державами. Очень важно, чтобы мы сохранили таковые с Турцией; но в высшей степени важным для нас является вопрос сохранения наилучших отношений с русским правительством как в интересах всеобщего мира, так и всех заинтересованных в нем. Два больших народа, так тесно и на таком большом протяжении между собой соприкасающиеся в Азии, имеют выбор только между двумя возможными взаимоотношениями: их взаимоотношения могут быть сердечными или они могут быть натянутыми; быть безразличными они не могут. Трения, которые неизбежно должны происходить между ними в силу их географического положения, вызванные целым рядом мелких противоречий интересов, несомненно, должны будут создать натянутость отношений, если между ними не будет установлено таких сердечных отношений, в атмосфере которых эти трения исчезли бы сами собой. Моей целью всегда было налажение дружеских отношений, то же было целью и русского правительства... Если же мы допустим наличие тяжелых осложнений с Турцией и возможность ухудшений наших отношений с Россией в силу какого-либо неблагоприятного поворота в политике, тогда защита южно-персидского нефтяного района, хотя последний и отстоит довольно далеко от русской границы, и между ними лежит труднопроходимая область, сделается источником постоянной заботы для английского правительства так же, как и защита английской торговли и многого другого“.

Нижняя палата одобрила соглашение правительства с „Anglo-Persian Oil Company“ большинством 234 против 18 голосов; верхняя палата приняла его почти единогласно. Таким образом был заключен договор непосредственно перед самым началом войны с Германией, для подготовки которой приобретение Англией нефтеносных областей Персии послужило одним из важных мотивов.

Возражая на критику заключенного им договора, правительство повторно ссылалось на то обстоятельство, что „Anglo-Persian Oil Company“ уже 13 или 14 лет назад обладало правами, приобретенными теперь английским правительством, что, таким образом, концессия была получена еще до заключения русско-английского соглашения, и что совершенно нет необходимости входить в новые переговоры с персидским правительством, так как последнее уже тогда дало все необходимые привилегии. Грей подчеркнул, что русское правительство давно уже находится в курсе этих дел, и что оно не создаст никаких осложнений, так как рассматривает этот вопрос как касающийся одной только Англии. Черчилль также подтвердил, что приобретение персидских нефтяных земель английским правительством не вызовет никаких непредвиденных осложнений с иностранными государствами, и что ни одна из трудностей, имеющихся в Персии, не усилится вследствие этого.

Из всех этих речей, а также из поведения английского парламента можно видеть, какое громадное значение придавалось приобретению для нефтеснабжения английского флота источника, удовлетворительная продуктивность которого была гарантирована, и который, находясь в слабом государстве, попадал в полную зависимость от произвола Англии. Черчилль мог с торжеством заявить, что адмиралтейство совершенно не опасается нефтяного кризиса во время войны; что он не ждет услышать лишенные всякого основания рассуждения о том, что существование Великобритании могло бы зависеть от маленького трубопровода, проложенного где-то в горах. Мощь Великобритании—в ее богатстве и военном флоте. Вопрос о нефти не является для нее вопросом военного характера первостепен-

ной важности, но мирным финансовым предприятием. Если бы знатоки морского дела в будущем сочли нужным перевести на нефть большие быстроходные военные суда, маленькие суда и торпедные лодки, то правительству пришлось бы удовлетвориться менее действительными военными единицами, вследствие трудности получения нефти. Нефтяные тресты давно уже присматриваются к Персии. Если правительственная политика в этом вопросе не встретит сочувствия парламента, то это неминуемо приведет к слиянию Англо-Персидского Нефтяного Общества с каким-нибудь другим обществом. Правительство давно уже пришло к заключению, что оно является объектом эксплоатации нефтяных трестов, и что цены на нефть за последние годы возросли более чем вдвое. Поэтому правительство считает своей прямой обязанностью создать себе без промедления более выгодное положение и находит, что это приложение капитала является осторожным, прибыльным и вполне разумным.

3. История, предшествовавшая англо-персидским нефтяным предприятиям.

Весной 1914 г. было переведено на нефтетопливо уже свыше 100 боевых единиц английского военного флота. Приобретение английским правительством прав „Anglo-Persian Oil Company“ явилось венцом настойчивого, неослабного и достигаемого всеми возможными средствами внедрения англичан в персидский нефтяной район. Английские капиталисты пытались уже с 1889 г. открыть подземные богатства Персии и затратили миллионы на предварительные работы.

В 1901 г. В. д'Арси получил от персидского правительства исключительную привилегию на эксплоатацию подземных богатств на всей территории персидского государства, за исключением 5-ти северных и северо-восточных провинций, сроком на 60 лет с правом бурения, добычи, продажи и вывоза нефти и нефтяных продуктов. Концессионная область равнялась приблизительно $1^1/_4$ миллиона квадратных кило-

метров. 16% чистой добычи должно было итти персидскому государству.

Для эксплоатации этой концессии и для проведения предварительных работ по изысканию д'Арси привлек другое нефтяное предприятие („Burmah Oil Company") и сперва основал с его помощью в 1903 г. „First Exploitation Company". Она была заменена в 1905 г. „Concessions Syndicate, Limited" и в 1909 г. „Bakhtiari Oil Company". Однако до 1908 года никаких более или менее значительных успехов достигнуть не удалось.

Пытались обосноваться в персидско-месопотамском нефтяном районе и французы. Весьма вероятно даже, что эта мысль родилась впервые у них. Так, напр., уже около 15-ти лет назад один французский исследователь de Morgan предпринял целый ряд подробных многолетних исследований нефтяного района Тигра от персидского Казр-и-Ширина до турецкого Керкука [1]. Но взоры Франции были тогда обращены на другие части света, и Англии, по обыкновению, и здесь, как и в других важных пунктах, удалось отвести конкурента.

Говорилось также о предполагавшемся образовании турецкого синдиката. С другой стороны, и Абдул Гамид лелеял мысль эксплоатировать все открытые нефтяные источники в пользу своей собственной казны. После же младотурецкой революции было объявлено, что, в виду огромного национально-экономического значения, которое могла бы иметь эксплоатация нефтяных земель на собственной территории, турецкое правительство проектирует ввести нефтяную монополию.

Эти планы, однако, ни к чему не привели.

Эксплоатация производилась в маленьком масштабе исключительно с целью покрытия местных нужд, не отражаясь совершенно на мировом рынке, пока англичанам не удалось прибрать к рукам добычу нефти в большом масштабе, благодаря ловкой совместной работе с правитель-

---

[1] J. de Morgan: „Mission scientifique en Perse" (Vol. III. Etudes géologiques). Paris, 1905.

ством основанного ими в 1901 г. персидского нефтяного синдиката.

Только в 1909 году удалось „Anglo-Persian Oil Company“ дойти путем бурения до нефтеносных слоев. Это общество было основано 4 апреля 1909 г. с тем, чтобы поглотить своих предшественников. Номинальный капитал этого общества равнялся 2 милл. фунт. стерлингов, из которых на 1 милл. было 6-процентных привилегированных акций, а на второй миллион обыкновенных основных акций. Последние были покрыты полностью и попали большей частью в руки „Burmah Oil Company“; лорд Страткона подписался на 50.000 ф. стерлингов. Также и привилегированные акции, из которых 900.000 ф. было покрыто, попали большей частью в руки того же общества, которое за это обязалось уплачивать до 26 апреля 1914 г. 6%-ный дивиденд по привилегированным акциям. Кроме того, „Anglo-Persian Oil Company“ [1]) выпустило на 600.000 ф. стерл. 5%-ных облигаций сроком погашения не раньше 31 декабря 1920 г. с 5% ажио.

Вплоть до своей смерти весной 1914 г. верховный комиссар Канады (High Commissioner) лорд Страткона был председателем этого общества, в то время как австралиец д'Арси находится в составе дирекции как „Burmah Oil Comp., Ltd.“, так и „Anglo-Persian Oil C-ny“. Также и все прочие директора являются английскими подданными [2]).

Добыча нефти Англо-Персидским Нефтяным Обществом была первоначально сосредоточена в районе Майдан-и-Нафтуна, в 225 километрах к северо-востоку от Мохаммеры. Уже в мае 1908 года там появлялись при бурении такие громадные количества нефти, что пришлось устраивать земляные амбары. Хотя из 30-ти заложенных там до начала 1914 года буровых скважин только 12 достигли первого нефтеносного пласта, все же пришлось прикрыть две буро-

---

1) Историю этого общества и его сделки с английским правительством освещает Синяя книга 1914 г.

2) По поводу сделок „Anglo-Persian Oil Comp.“ с прежними обществами см. Schäfer: „Die mesopotamisch-persische Petroleumfrage“ (Arch. f. Wissenschaftforsch. im Orient. Jahr 1916. Weimar. Gust. Kiepenheuer. S. 31—65). S. 39 ff.

вые скважины по той причине, что добыча нефти превысила возможность сбыта. Оставшиеся 10 скважин доставляли ежедневно 800 — 900 англ. тонн (1 тонна=60 пуд.) нефти. Между тем, только 3 из них, дававшие в общей сложности 800 тонн, находились в более полной эксплоатации. Точных данных о производительности скважин нет, их эксплоатационный период колеблется между 4 месяцами и $5^1/_2$ годами.

Так как машинные приспособления не требовались, и не было еще необходимости в чистке скважин, то из этого можно заключить, что нефтяные залежи представляют собой громадную ценность.

Квалифицированная работа по бурению производится, главным образом, квалифицированными рабочими из Бурмы. Грубая работа предоставляется, согласно постановлениям договора, персидским рабочим. В окрестностях Майдан-и-Нафтуна выстроены большие заводы и нефтехранилища. Число рабочих достигает 1000 [1]). Там находятся крытые стальные нефтяные резервуары и открытые нефтяные амбары общей емкостью в 60.000 тонн нефти.

Дальнейшим шагом было снятие в аренду острова Аббадан, о котором мы до 1913 почти ничего не слышали. Он лежит в области реки Шат-эль-Араб, недалеко от Мохаммеры, в устье Каруна, и принадлежит Персии.

Особое общество „Strick, Scott & C°" сумело склонить персидское правительство к сдаче ему этого острова в долгосрочную аренду (сроком на 99 лет). Общество выстроило на острове красивые постройки и превратило его в маленький европейский городок с электрическим освещением, с телефонным и телеграфным сообщением с нефтяными промыслами. На службе у общества состоит 7.000 рабочих.

Приведем из годового отчета австро-венгерского консульства в Багдаде от 1913 г. следующие данные о быстром расцвете Аббадана: „Аббадан поддерживает уже торговые сношения с заграницей. В мае 1912 г. было

[1]) Подробные сведения о дальнейшем развитии можно найти в ст. Schäfer'a. Стр. 44 ff. (Ныне число рабочих во много раз превышает эту цифру.—Ред.).

отправлено на корабле „Sultan von Koeti“ из Аббадана в направлении острова Явы много тонн керосина, наполовину очищенного. Такой же керосин погрузило в количестве 1000 тонн судно „Minhla“ для Рангуна. Судно „Julmar“, принадлежащее обществу „Lynch“ и курсирующее по Тигру, два раза вывозило из Аббадана по 107 бочек керосина. После того, однако, это аббаданское общество стало настолько хорошо очищать керосин, что последний по чистоте приравнивается к русскому.

В 1912 году Аббадан получил необходимые железные части для постройки баржи в 1000 тонн. Судно „Adalia“ доставило ему 200.000 деревянных ящиков с предназначенными для целей экспорта бидонами для керосина. „Kingsgate“ зафрахтовал 20.000 ящиков, содержащих белую жесть для изготовления бидонов. Общество сможет, наконец, приступить к большим операциям со своим керосином. Упаковка та же, что и у других сортов керосина. На ящиках клеймо с изображением пальмы. Около 400 ящиков этого англо-персидского керосина прибыло на пробу в Багдад. Качество его было найдено хорошим, и тут полагают, что этот керосин будет в состоянии оказать сильную конкуренцию русскому“.

Производительность буровых скважин Майдан-и-Нафтуна характеризуется следующим фактом: в начале 1900 года скважина, которая до того была засыпана, прорвалась и стала доставлять ежедневно 2100 тонн. Так как нефтепровод не был в состоянии перекачивать еще и это количество сверх обычной ежедневной нормы, то скважину пришлось снова засыпать, чтобы сократить ежедневную подачу нефти до 1500 тонн.

Не удовлетворял потребности в то время также и нефтеперегонный завод в Мохаммере; Шефер сообщает: „Вследствие недостаточной производительности нефтеперегонного завода, часть добычи очищается в состоящем под контролем Royal Dutch Shell'a „Anglo-Egyptian Oil Fields“ в Суэце и продается через посредство „Asiatic Petroleum Co“. Однако, открытые недавно источники нефти (у Гемзаха) настолько продуктивны, что египетские нефтеперегонные заводы вынуждены будут ограничиться исключительно очист-

кой своей нефти; к тому же и Англо-Персидское Общество уже приступило к расширению своих нефтеперегонных заводов".

Общество переняло от „Imperial Bank of Persia" разрешение на постройку железной дороги от Мохаммеры до Хоремабада через Ахвас и Дизфул. Предварительные съемочные и измерительные работы на участке Мохаммера—Дизфул длиною в 225 км. были закончены уже в феврале 1914 г.; на участке же от Дизфула до Хоремабада, длиною в 130 км., встретились трудности, так как пришлось считаться с враждебно настроенными лурскими племенами, населяющими эту местность. Несмотря на это, уже в начале 1914 г. было приступлено к постройке железной дороги Мохаммера—Дизфул и построено значительное число вышек между обоими пунктами.

4. Новейшие результаты предприятия.

Английские нефтяные источники в Персии приобрели, таким образом, значение приблизительно в 1908 году. До тех пор и техника нефтетоплива была недостаточно развита, и самые работы по бурению в Персии не давали ощутительных результатов. Незначительная первоначально добыча, удовлетворявшая, главным образом, собственным потребностям, была с 1908 года сильно повышена удачным бурением в Майдан-и-Нафтунском промысле к востоку от Шуштера. Однако общество извлекло из этого для себя выгоду только тогда, когда был проведен нефтепровод и выстроен нефтеочистительный завод. До тех же пор положение дел было все время таково, что общество располагало значительно бо́льшим количеством нефти, чем оно могло использовать или экспортировать. Одна буровая скважина доставляла первоначально 2000 тонн в сутки. Однако вследствие недостаточных экспортных возможностей, не покрывавшихся нефтепроводом, а также вследствие задержки, происшедшей с постройкой нефтеочистительного завода, общество было вынуждено по возможности сократить добычу.

В 1914 году одна скважина доставляла ежедневно около 7500 бочек (барелей), хотя она и находилась под давлением в 22 атмосферы. Годовая добыча, таким образом, равнялась 450.000 тонн. Так как мировая добыча достигает, приблизительно, 60-ти милл. тонн, то это составляет около 0,75% общей добычи,—все же слишком большое количество при существовавших экспортных возможностях, так что общество было вынуждено сжигать в течение последних лет значительные количества, которые оно не могло ни сохранять, ни экспортировать. Все зависело от постройки нового, гораздо большего нефтепровода.

Отсюда ясно, что финансовые итоги предприятия не могли еще быть удовлетворительными. К тому же нужно было давать 16% чистой прибыли персидскому правительству и 5% владельцам привилегированных акций, прежде чем можно было думать о выдаче дивиденда. По той же причине не был покрыт поностью капитал. Согласно данным торгового регистра он равняется:

основных акций	1.000.000 ф. ст.
привилегированных акций . . .	999.000 ф. ст.
	1.999.000 ф. ст.

Согласно договору от 20 мая 1914 г., превратившему общество в полугосударственное предприятие, акционерный капитал был увеличен на 2.001.000 фунтов стерлингов, так что он в общей сложности составил 4.000.000 фунтов стерлингов.

Этот капитал следующим образом распределяется между заинтересованными группами:

английское правительство	2.001.000 ф. ст.
прочие участники (особенно Burmah Oil C⁰) . . .	1.999.000 ф. ст.
	4.000.000 ф. ст.

Впоследствии правительство приобрело еще на 199.000 фунтов стерлингов облигаций. С другой стороны, общество обязалось в 6-м § договора не вступать в связь с каким бы то ни было трестом и „всегда быть и оставаться независимым английским предприятием“.

Английское правительство приобрело, благодаря обладанию совершенно незначительным большинством акций, право решающего голоса в предприятии. Оно оставило за собой также право приобретения прежде выпущенных облигаций на 600.000 ф. стерлингов с первым сроком платежа 31 декабря 1920 г. В контрольный совет Англо-Персидского Нефтяного Общества вступили в качестве представителей от министерства финансов и от адмиралтейства 2 директора, обладающие правом veto в отношении всех мероприятий общества. Государство сохранило за собой также и преобладающее влияние в вопросе выбора дирекции. С другой стороны, оно взяло на себя обязательство приобретать всю добываемую обществом нефть в течение 30-ти лет из отпускаемых для этой цели казной денег.

До конца оборотного года 1915—1916 (с 1 апреля 1915 г. по 31 марта 1916 г.), согласно сообщениям „Statist" от 13 января 1917 г., было внесено: 3.000.000 ф. стерлингов акционерного капитала, полностью за привилегированные акции, полностью за не принадлежащую правительству часть основного капитала и половину за принадлежащую правительству часть.

С тех пор на государственные основные акции были наложены еще $2^1/_2$ шил. (след., $^1/_8$ часть), которые и были уплачены.

Этот оборотный год принес впервые прибыль, давшую возможность по выплате льготного дивиденда внести в актив 33.646 ф. стерлингов.

Правда, и предыдущий оборотный год (апрель 1914 г.—март 1915 г.) был заключен с некоторой прибылью (90.431 ф. стерл.). Однако часть этой прибыли была использована для покрытия дефицита предшествовавшего года в размере 26.711 ф. стерлингов, остаток же в 63.720 ф. стерлингов пошел почти целиком на уплату дивиденда по 6% привилегированным акциям, так что прибыль выразилась всего в сумме 7.878 ф. стерлингов. В то время руководящая английская финансовая пресса еще сильно критиковала предприятие. Она подчеркивала, что отчет подтвердил все те серьезные опасения, которые высказывались промышленными кругами, когда правительство за несколько месяцев до войны приобрело пре-

обладающее влияние в Англо-Персидском Нефтяном Обществе. Главная причина опасений заключалась тогда в том, что нефтепровод был проложен в области, заселенной неспокойными племенами: это делало трудной охрану этого трубопровода длиною в 150 англ. миль (240 км.), а следовательно, приобретение это не могло оказаться прибыльным именно во время войны. Фактически эти опасения, как будет показано ниже, оправдались. Вследствие этого оказалось невозможным внести полностью капитал в 2.300.000 ф. стерлингов, который правительство вложило в предприятие, хотя это не задержало ни нефтеочистительных работ, ни обширных работ, предпринятых для расширения дела. Было признано, что нефтеперегонный завод даст в течение долгого времени хорошие результаты. Ежемесячно очищалось около 7 милл. галлонов. Экспедиционный корпус получил, благодаря этому, немалую поддержку.

Общий отчет оборотного года 1915—1916 оказался настолько благоприятным для Англии, что даже финансовая пресса встретила его с радостью. За это время удалось проложить верхнюю часть нового 10-дюймового трубопровода, который мог быть соединен с уже проведенным 8-дюймовым; в течение нескольких недель все должно было быть закончено. Это дало бы возможность перекачивать на нефтеперегонный завод значительно большее количество нефти.

На общем собрании, состоявшемся 8 января 1917 г. в Лондоне, председатель Англо-Персидского Нефтяного Общества произнес речь, в которой говорилось: вряд ли можно сейчас еще сомневаться в том, что правительство обеспечило государству приобретением $^2/_3$ акций предприятия колоссальный актив, который не только будет давать весьма значительные доходы государственной казне, но и послужит еще гарантией английскому потребителю от опасностей монополии. С точки зрения государственных доходов, договор очень выгоден, к тому же большая часть или почти вся потребность государства в нефтяных продуктах сполна покрывается находящейся под его контролем добычей, поэтому для страны является вопросом первостепенной важности продолжать правительственную

политику в отношении Англо-Персидского Общества и даже расширить ее.

Размеры нефтеносной площади Персии и производительность ее вполне оправдали те надежды, которые здесь возлагались. Скважина F7, дававшая в 1915 г. 7.500 бочек в сутки, дает сейчас 10.000 бочек (1.600 тонн), несмотря на то, что добыча сокращена давлением в 22 фунта на квадратн. дюйм (след., ок. 17 атмосф.). Без этого давления буровая скважина давала бы 25 000 бочек (4.000 тонн) в сутки. Одна эта скважина дала в течение 5-ти лет, несмотря на постоянное сильнейшее давление, под которым она находилась, около $1^1/_4$ милл. тонн нефти и не выказывает ни малейших признаков истощения.

Очень производительна также скважина B8, которая дала с начала 1913 года 300—400.000 тонн нефти, несмотря на то, что она даже еще не прошла через весь нефтяной горизонт и тоже находится под сильнейшим давлением. Обе буровые скважины вместе покрывают в данный момент всю потребность в нефти.

Также и на других промыслах, о которых отчет Англо-Персидского Нефтяного Общества ничего не упоминает, работы по бурению продолжались с успехом. Первая буровая оказалась неудачной, вторая встретила на глубине в 300 м. нефтяной песок, содержащий нефть очень высокого качества с необычно высоким содержанием бензина (73%). Самый нефтяной слой должен лежать на большей глубине. На третьем месте геологи должны были временно приостановить свои работы, вследствие беспорядков, но как-будто и здесь тоже признаки были благоприятны.

Годовой отчет Англо-Персидского Нефтяного Общества с прискорбием отмечает, что и в 1915—16 г. должны были быть сожжены большие количества нефти, так как, вследствие незначительной производительности наличных насосов и трубопровода, нефть не могла быть перекачиваема на завод или собрана в цистерны и амбары.

В середине 1917 года „Anglo-Persian Oil C°“ приобрела у назначенного управляющего „British Petroleum C°“— „Homelight Oil C°“ и „Petroleum Steamship C°“ все акции,

которые находились в руках европейского нефтяного союза, финансируемого, как известно, „Deutsche Bank". Таким образом Англо-Персидское Нефтяное Общество стало владельцем большого числа наливных барж, а также 15-ти больших нефтехранилищ с пристанью для больших морских судов в 185.000 тонн емкости, 520 маленьких депо, 535 вагонов-цистерн, 1.100 моторных и проч. повозок, земель и домов в разных концах Англии [1]).

5. Турецкое наступление в 1915 году.

По мере того, как персидская нефть приобретала все большее значение для Англии, она делалась ее Ахиллесовой пятой. Англия почувствовала это во время турецкого наступления в первой половине 1915 года, но она успела тогда так своевременно принять должные меры, что скоро уже оказалась в состоянии откинуть врага.

Ей помогло при этом то обстоятельство, что морское сообщение между Индией и Двуречьем в то время было удобнее, чем сухопутное между Константинополем и Месопотамией. Правда, последнее расстояние даже несколько короче по воздушной линии, но зато и мучительнее. Тут приходится преодолевать всем хорошо известные трудности передвижения по Малой Азии, которые у самого Багдада еще увеличиваются, вследствие полного отсутствия приспособленных для массовых передвижений войск, военного снаряжения и продовольствия путей сообщения, в то время как все это сравнительно легко может быть доставлено морским путем из Индии.

Туркам стоило больших усилий доставить нужное топливо для снабжения транспорта. Ведь, для того, чтобы утолить топливный голод, приходится возить уголь из Германии в Константинополь и отсюда дальше! Этот театр военных действий принадлежит к числу бедных углем областей. Англичане пользуются для перевозки войск и военного снаряжения портом Карачи, ближайшей большой индийской

---

1) „Times" от 7/VI 1917 г.

гаванью. Отсюда идет удобное морское сообщение через Персидский залив до порта Ковейт или до Басры. Здесь только начинаются трудности. Они двоякого рода: климатические, вследствие почти невыносимой жары летом, и транспортные.

Первые попытки использования нефти в качестве топлива были сделаны на пароходах Каспийского моря, еще задолго до того, как был изобретен Дизелем мотор, при чем брался такназываемый мазут, вследствие отсутствия там угля и избытка нефти.

Впервые нефть была использована в качестве топлива на Тигре на одном пароходе в 1912 году. Он принадлежал „Société de Transports fluviaux en Orient",—обществу, основанному 5/VII 1912 года путем соглашения между „Deutsche Bank" и „Lynch - Co", и его задачей было подготовить англо-германско-турецкое общество судоходства, проектировавшееся в связи с англо-немецким соглашением. Пароход запасся нефтью в Аббадане, но шел на угле.

В силу этого англичане, поскольку они держали в руках персидскую нефть, были в гораздо более выгодном положении, нежели турки. Если бы последние имели моторные лодки и достаточное количество паровозов с нефтетопками на своих малоазиатских железных дорогах, то исход операций был бы иной. Один только раз удалось больно ранить Англию в ее персидскую Ахиллесову пяту, которая, может-быть, еще чувствительнее Суэцкого канала, разрывом нефтепровода длиной в 220 км., соединяющего нефтяные промыслы в обл. Шуштера с нефтеперегонным заводом на острове Аббадан у Шат-эль-Араба, недалеко от Мохаммеры.

В начале февраля 1915 г. часть нефтепровода была разрушена персидскими племенами. Вслед за этим турки заняли, энергично наступая, важный пункт Ахвас у Каруна, при чем они овладели трубопроводом и одновременно продолжали борьбу на русско-кавказском фронте и в сев.-зап. части персидской провинции Азербейджан. Там у них ощущался еще больший недостаток в путях сообщения, в то время как русские имели в своем распоряжении достаточное число железных дорог для передвижений своих войск. Если турки,

несмотря на все транспортные трудности, успешно продвигались на юго-востоке, то это свидетельствует о том, какое большое политическое и экономическое значение они придавали этому театру военных действий. Один турецкий отряд в 2000 человек прорвался через Ахвас у Каруна в занятый англичанами нефтяной район персидской провинции Хузистан с целью занятия нефтепромыслов. С другой стороны, индусским отрядам, посланным в направлении Ирак-эль-Араби, не удалось отогнать турецкого отряда, задерживавшего наступление врага из Корны, у места слияния Тигра и Евфрата. Шейх Мохаммеры (у места впадения Каруна в Шат-эль-Араб), не принявший лозунга священной войны, так как был подкуплен англичанами, был убит в конце декабря 1914 г., вскоре после чего и Мохаммера, являющаяся ключом к нефтяному району, перешла в руки турок.

Потом, однако, английским войскам под командованием генерала Горринга удалось достигнуть некоторых успехов у Каруна и одновременно у Тигра, где наступающим частям тоже удалось немного продвинуться. Однако нефтепровод мог быть восстановлен только в июне 1915 г., и так как было невозможно закрыть скважины или перекачать нефть в нефтехранилище, то англичане были вынуждены с ж е ч ь 144.000 т о н н н е ф т и.

В апреле 1915 г. все еще продолжались бои в районе Мохаммеры, следовательно, у самого устья Каруна, в то время как об Ахвасе, расположенном только в 120 км. севернее, больше не упоминалось. Турки, поддерживаемые арабскими племенами, находились сперва в численном превосходстве. Не удалась попытка англичан овладеть германским консульством в Бушире. Еще в конце июня 1915 г. появилось сообщение о том, что англо-индусские войска потерпели в районе Каруна урон в 1.000 чел. и 6 пушек. Так же благоприятно для турок протекали б о и в М е с о п о т а м и и. 14 и 15 июля 1915 г. произошло столкновение к западу от Корны, у низовья Евфрата, при чем англичане, опираясь на помощь туземных отрядов, пытались обойти правое турецкое крыло. Однако, благодаря удачно проведенному контр-наступлению, они были откинуты к Евфрату и вынуждены были обратиться в поспешное бегство.

Больше того: в то время казалось, будто турки замышляли занятие Баку. Топливный голод, ощущавшийся тогда в разных частях России, усилился бы, вследствие этого, еще больше. Однако этот слишком смелый план так и не был приведен в исполнение. Туркам пришлось отступить как у Каруна, так и у Корны. По всей вероятности, это объясняется тем, что они оттянули свои лучшие силы к Дарданеллам. Для второстепенных театров военных действий, к каковым был причислен и персидско - месопотамский нефтяной район, в распоряжении турок оставались тогда только редифы (запасные) и иррегулярные части.

Еще 30 мая 1915 г. „Times" сообщал, что англичане с трудом удерживаются в обл. Двуречья, как вследствие неблагоприятного климата, так и из-за тяжелого положения у Басры. Даже выигранные ими, по их сообщениям, сражения (как, напр., у Шаиба, где, как уверяют турки, победили они) стоили им больших потерь. У Шаиба англичане потеряли из офицерского состава убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 20-ти человек, из коих 3 полковых командира и 20 штабных офицеров. По всей вероятности, офицеры были вынуждены с целью личного воздействия на индусские части пуститься в атаку.

Вследствие дальнейшего усиления войсковых частей и еще больше вследствие обострения положения в Дарданеллах и по другим причинам (гл. обр., топливная нужда), положение на персидско-месопотамском театре военных действий приблизительно в августе 1915 г. изменилось. Что эта перемена была обусловлена не храбростью английских войск, явствует из того факта, что, насколько мне известно, англичане за все то время не сообщили ни об одном крупном успехе.

Так или иначе, им удалось присоединить в августе 1915 г. верхнюю часть 10-дюйм. трубопровода к старому 8-дюймовому, что значительно повысило продуктивность. Теперь, после завершения работ по установке нефтепровода, стало возможным перекачивать на завод ежегодно с нефтяных промыслов около $1^1/_2$ милл. тонн нефти. При помощи дальнейших насосных приспособлений

Англо-Персидское Нефтяное Общество думает с легкостью повысить это количество с незначительными затратами до 3 милл. тонн в год. Между тем, очевидно, и новый нефтепровод будет скоро уже не в состоянии справиться с колоссальной добычей промыслов, что и заставило приступить к постройке третьего трубопровода с тем, чтобы закончить его еще в 1917 году.

* * *

Таким образом, англичанам быстро удалось ликвидировать турецкое наступление и вторжение враждебно настроенных персидских племен. Поскольку мы можем разобраться сквозь туман, заслоняющий от наших взоров много подобных вещей, дело идет о туземных племенах, примкнувших к своим турецким единоверцам с целью вести борьбу против англичан в противовес нерешительному поведению персидского правительства. Англичане жаловались в то время, что персидское правительство, к сожалению, не в состоянии подавить деятельность этих „политических разбойников“[1]), „не уважающих в нейтральной в данный момент стране авторитета властителя и правительства и захвативших в некоторых важнейших городах страны всю власть и весь авторитет правительства“.

Конечно, ответственны за это были немецкие агитаторы—сеятели смуты. Можно быть вполне уверенным, что английскому и русскому правительствам вскоре удастся „привести этих врагов законности к действительному признанию своих обязанностей в качестве обитателей нейтральной страны и таким образом дать возможность Персии сохранить не только свой нейтралитет, но и свою независимость, которая в настоящий момент находится под угрозой принца Рейсса и своры окружающих его военных авантюристов и безответственных персидских бунтарей, которые до тех пор не заинтересованы в судьбе своей страны, пока их алчность насыщается немецким золотом“.

---

1) Так писал „Economist“ от 25/XII 1915 г.

В Англии хвастались тем, что главари бахтиаров оказали сильный отпор всем попыткам немцев вовлечь их в восстание, и что шейх Мохаммеры остается англофильски настроенным, что, следовательно, перекачиванию нефти вообще не грозит никакой опасности.

Убыток, причиненный порчей трубопровода и создавшейся в связи с этим невозможностью перекачки нефти в течение $4^{1}/_{2}$ месяцев, исчисляется Англо-Персидским Нефтяным Обществом в годичном отчете в 160.000 ф. стерлингов. Основываясь на концессионном договоре, оно хочет возложить ответственность за это на персидское правительство, которое должно быть также привлечено и к покрытию убытков, вызванных задержкой при прокладке нового трубопровода. Однако оно полагает, что не Персия является истинной виновницей этих убытков, и что английскому правительству, по всей вероятности, удастся настоять во время мирных переговоров на том, чтобы настоящие виновники, именно Германия и Турция, были за это привлечены к ответственности.

6. Затруднительное положение персидского правительства.

Предъявленный Англией иск о возмещении убытков поставил Персию в затруднительное положение. То обстоятельство, что правительство, как бы мало оно ни симпатизировало своему английскому угнетателю, не приняло участия в порче трубопровода, может быть объяснено его бессилием, явившимся следствием того двусмысленного положения, в которое оно было поставлено концессионным договором. Если только очень мало людей может противостоять значительному подкупу, то еще менее того на это способны правительства. Даже и культурные государства руководствуются положением, что фиск не имеет совести! Для постоянно нуждающегося в деньгах правительства, каким является персидское, должно было представиться большим соблазном получать 16% с чистого и довольно внушительного дохода предприятия иностранного общества,

не ударив при этом палец о палец. Потому приходится думать, что идеализм и дальнозоркость персидского правительства не выдержали этого испытания, и что порча нефтепровода им пришлась совсем не по душе.

Правда, благодаря своей пассивности, оно сидело меж двух стульев. Оно упустило благоприятный случай выбросить за пределы страны вторгшихся в нее англичан и затруднить ему в дальнейшем возможность повторного занятия промыслов и продолжения военных действий; с другой же стороны, оно было не в состоянии взять на себя поручительство за сохранность нефтепровода. Вследствие этого правительству приходилось отвечать суммой, очень значительной в персидском масштабе, долженствующей поглощать в течение долгих лет все поступления в персидскую казну из Англо-Персидского Нефтяного Общества.

Однако значительность этой суммы наводит на размышление, умно ли поступает Англия, настаивая на ее выплате. Нечего и говорить о том, что о возможности выплаты наличными деньгами не может быть и речи. Если же Англия предложит персидскому правительству план погашения этой суммы удержанием 16% отчисления Англо-Персидского Общества Персии, то эксплоатация персидской нефти Англией потеряет для Персии всякий смысл, по крайней мере, на некоторое время.

Отсюда и ссылка на желательность привлечения к ответственности „истинных виновников“ (Германия и Турция). Ведь, Турция конфисковала нефть и прочую собственность Англо-Персидского Общества на сумму в 51.000 ф. стерлингов во время наступления 1915 г., что немало обозлило Англию.

Возможность *союза между Турцией и Персией* тоже сильно тревожила Англию. К этому могла привести как раз та беспомощность Персии, на которой так давно строили свои расчеты как Англия, так и Россия. Она дала возможность повстанцам, появившимся в разных концах Персии, с легкостью устранить противоействие правительства. Главой партии, домогающейся этого союза, слывет у англичан персиский генерал Низам-эс-Султане, полу-

чивший свое военное образование в Берлине, поддерживающий личные дружеские отношения с Германией и Австро-Венгрией и как-будто возмечтавший сделаться персидским Энвером.

Несмотря на неудачу турецкого наступления на Ахвас, восстание в Персии не могло считаться ликвидированным. Больше того: вскоре за удачным наступлением англичан на Багдад приверженцы тамошней революционной партии приняли участие в боях у Кут-эль-Амары. Они поддерживали турок не только продовольствием, но и вспомогательным отрядом, состоявшим из 6.000 добровольцев, из которых большинство было конных. Когда же генерал Таунсхенд был вынужден к сдаче в Кут-эль-Амаре, то надежды повстанцев сильно возросли, что дало повод „Corriera d'Italia" от 8/v 1916 г. сообщить с грустью: нужно допустить, что теперь к германо-турецким войскам в районе Багдада присоединится еще тысяч десять добровольцев из полудиких персидских и турецко-татарских племен, помощь которых на азиатском театре военных действий нельзя недооценивать.

Персидское правительство осталось, конечно, „лойяльным". На годичном собрании Англо-Персидского Общества 8/I 1917 г. председатель гордо заявил, что отношения общества с персидским правительством остаются сердечными, и немецкие интриги, стремящиеся к тому, чтобы вызвать смуту в Персии или вывести страну из состояния нейтралитета, повидимому, не увенчались успехом.

Еще увереннее высказывались английские сановники в феврале 1917 г. Если общий ход военных событий, потребовавший от Англии напряжения всех ее сил, парализовал ее активность на персидском фронте, и если отсутствие симпатий населения и правительства вынуждало ее там перейти к осторожной обороне, то тем с большей ловкостью работала **английская дипломатия**, стремясь к усилению своего престижа. 21 февраля 1917 г., согласно сообщению Рейтера, лорд Керзон заявил палате лордов, что „английские войска под руководством Перси Сайкса дошли до Испагани и Тегерана, благодаря чему во всей этой области восстановлен полный порядок. В Тегеране обеспечено существование

одного из правительств, благосклонно относящегося к Антанте, и последнее будет субсидировано совместными усилиями Англии и России. Предположено сформировать при помощи Перси Сайкса южно-персидскую военную жандармерию с английскими офицерами, выученными в Индии, и довести ее численность до 11.000 человек. Сайкса уже имеет в своем распоряжении 5.000 человек и 800 человек, могущих служить в качестве военного прикрытия. В настоящий момент набираются волонтеры для сформирования такой же жандармерии из племени бахтиаров. Из Шираза, где в данный момент находится Сайкса, он выступит в скором времени дальше и очистит разбойничьи гнезда, свитые в этой части Персии. Таких же успехов добился на востоке отряд под руководством майора Кейта".

В словах Керзона ясно звучала боязнь возможности нападения эмира афганского на тыл Англии. И действительно, положение в Персии является одновременно ключом к поведению Афганистана.

7. Значение персидской нефти.

После всего вышеизложенного понятно, почему Англия не жалеет никаких усилий, чтобы остаться именно здесь хозяином положения. В связи с победой англофильской партии в Мекке и удачным наступлением английского войска, во главе с генералом Модом, в Месопотамии возлагается много надежд на будущее Персии, тем более что все еще осталось несколько персидских областей, занятых турецкими войсками. Дела англичан неблестящи также и в области, прилегающей к Персидскому заливу. Потому-то не вполне уверенно прозвучала заключительная часть речи Керзона, в которой он указывал на то, что безопасность персидских промыслов „почти восстановлена", и что он уже в течение нескольких месяцев ничего не слыхал о каком-либо нарушении сообщения в этой местности; что самое худшее позади, и что длинная цепь честолюбивых замыслов, тянущаяся через всю Европу до Азии, частью отброшена, а может-быть, и разорвана.

Повторное наступление англичан на Багдад, завершившееся в последних числах февраля 1917 г. вторичным занятием Кут-эль-Амары английскими войсками, должно было послужить основой для этих планов. Чем хуже приходится Англии на других театрах военных действий, и чем больше она теряет свой престиж на Востоке, вследствие постигшей ее неудачи в Галлиполи и капитуляции Кут-эль-Амары, тем больше она затрачивает энергии, чтобы вознаградить себя здесь за неудачи и одновременно прикрыть тыл своих персидских промыслов, не говоря уже о планах завоевания очень нужной ей области хлопка и хлеба—Месопотамии. Это единственный театр военных действий, на котором Англия может надеяться что-нибудь выиграть. На фландрских полях она похоронила эту надежду, из Салоник она была бы рада унести целыми ноги и, пожалуй, только еще в Восточной Африке она могла бы рассчитывать на успех. Однако, последний для нее гораздо важнее в Турции, чем там. В Англии сейчас начинают задумываться над тем, не было ли глупостью пробудить спящие силы Турции и вынудить их к ожесточенной борьбе, обнаружившей полностью лучшие качества этой нации. Хоть и удалось посеять кое-где раздор и силой золота, а еще больше щедрыми обещаниями, склонить на свою сторону несколько арабских племен, все же даже и наиболее самоуверенный англичанин признает сегодня, что ни арабские племена, ни все прочие национальности Турции не чувствуют в Англии победителя. Обеими руками цепляется она за надежду добиться прежде всего значительных успехов в Месопотамии. Здесь Англия нашла линию наименьшего сопротивления, несмотря на храброе противодействие турок, сильно страдающих от неблагоприятных топливных и транспортных условий. Единственная возможность добиться какого-нибудь военного и политического успеха представилась Англии только здесь.

Ко всему тому присоединилось еще и опасение непосредственной угрозы персидской нефти и возможности потерять в будущем этот ценный клад, лежащий пока еще в чужой стране. Сейчас уже не может быть никаких

сомнений относительно того, что персидская нефть является исключительной ценностью, имеющей большое будущее. Богатство и громадное пространство нефтяных месторождений в районе Персидского залива находятся сейчас вне сомнения. Если Англии удастся сохранить в своих руках преобладающее влияние в деле эксплоатации персидской нефти, то тем самым будет не только обеспечен на долгое время английский флот самым лучшим и технически наиболее удобным, особенно для военных целей, топливом, но и будет приобретено владение колоссальной ценности для всей империи. Когда уголь в качестве топлива медленно пришел на смену дереву, то угольные шахты приобрели громадное значение для государственного хозяйства. Только в середине XIX столетия это стало совершенно очевидным, великая же мировая война наших дней учит нас, что уголь уже не является самым важным топливом. Как в техническом, так и в хозяйственном отношении его превосходит нефть, заключающая больше тепловых единиц в меньшем объеме, легче поддающаяся погрузке и перегрузке при наличии соответствующих приспособлений, предохраняющая топки от порчи и применяемая еще для целей, для которых уголь неприменим. Каково пришлось бы нашим подводным лодкам, если бы у нас не оказалось больше нефти?! Как может рассчитывать военное судно, идущее на угле, с развевающимся флагом черного дыма, на благоприятный исход боя с противником, идущим на нефти и не обнаруживающим своего присутствия столбом дыма еще на далеком расстоянии? С какой точки зрения ни рассматривать борьбу, происходящую между углем и нефтью, нефть останется победительницей по всей линии.

Хотя в предвоенные годы это убеждение еще не проникло в общее сознание, все же уже началась погоня за нефтью, которая теперь, после опыта этой войны, еще больше усилится в силу не только военных соображений, но и самых разнородных потребностей мирно-экономического характера, благодаря быстрому усовершенствованию нефтетопливной техники. То количество нефтетоплива, которое может быть получено разложе-

нием сланцев, не так значительно, чтобы оно могло быть принято в расчет при этой погоне народов за нефтью. В общем, пока-что еще придется довольствоваться добычей нефти из земли. В 1900 г. общая добыча всех государств мира равнялась 20 милл. метрич. тонн, в 1910—43 милл., в 1912 г.—уже свыше 46 м. тонн. Везде делаются попытки к увеличению добычи нефти. Отдельным странам это удалось особенно хорошо. Я имею в виду Соединенные Штаты и Мексику.

Вот цифры, относящиеся к 1909 и 1912 г.г:

Добыча нефти.

Страны.	В 1000 метр. тонн.		В проц. мир. пр.	
	1909 г.	1912 г.	1909 г.	1912 г.
Соединенные Штаты	24.179	29.108	60,17	62,24
Россия	9.284	9.318	23,10	19,93
Голланд. Индия	1.475	1.478	3,67	3,16
Румыния	1.297	1.807	3,23	3,86
Австро-Венгрия (Галиция)	2.086	1.187	5,19	2,54
Мексика	329	2.208	0,82	4,72
Британск. Индия	881	990	2,19	2,12
Япония	266	223	0,66	0,47
Перу	175	233	0,44	0,50
Германия	143	135	0,36	0,29
Канада	56	33	0,14	0,07
Италия	8	12	0,02	0,03
Проч. страны	3	33	0,01	0,07
ВСЕГО	40.182	46.765	100	100

Персия до сих пор вообще не принималась в расчет в международной статистике добычи нефти. В будущем она не сможет быть исключена, т. к. она занимает место непосредственно за Британской Индией, следовательно, еще до Японии, Перу, Германии, Канады и Италии. Особенное значение приобретает то обстоятельство, что персидская нефть (как и бакинская) особенно пригодна для изготовления керосина. Также и географическое положение необычайно выгодно в

смысле конкуренции. Замечу сейчас, что нефтяной импорт Персии, несмотря на то, что она обладает такими богатыми источниками, еще в 1912—13 гг. значительно превосходил экспорт нефти и нефтяных продуктов. Это видно из следующего:

Стоимость ввоза	10.585.467	кран [1])
„ вывоза	455.909	„

После того как Англо-Персидское Нефтяное Общество повело работу полным темпом, цифра вывоза сразу поднялась: в 1913—1914 гг. было вывезено из Аббадана 193.381 тонна, стоимостью в 17.764.627 кран. Только еще в северной части страны продолжали пользоваться русской нефтью, очевидно, потому, что сухопутная доставка с юга на север Персии обходилась слишком дорого, если она только вообще была возможна.

Русское влияние в нефтяной торговле простиралось, вследствие отсутствия нефти во всей стране, далеко за пределы нейтральной зоны, распространяясь и на английскую зону. С бакинской нефтью будет с трудом конкурировать в Персии и Англо-Персидское Общество до тех пор, пока там не изменятся условия транспорта.

8. Положение персидской нефти в мировом хозяйстве.

С другой стороны, географическое положение южно-персидских источников нефти чрезвычайно благоприятно для их использования в мировом хозяйственном масштабе.

Если мы будем рассматривать южно-персидские и месопотамские нефтяные месторождения,—которые, очевидно, и геологически не могут быть рассматриваемы отдельно,—как единую персидско-месопотамскую нефтяную область, то при одном взгляде на страны, принимающие участие в добыче нефти, станет ясно, что персидско-месопотамской нефти в

---

[1]) Средняя цена крана — ок. 20 коп. зол.

той части земного шара предначертано почти монопольное положение.

За исключением Британской Индии, нефтедобыча которой пока еще очень незначительна, на всем западном побережье Индийского океана нет больше ни одного месторождения нефти, могущего быть принятым во внимание. Только дальше к востоку дело принимает другой оборот: там выступает на первый план Голландская Индия, а еще дальше вступают в конкуренцию страны, прилегающие к Тихому океану.

Правда, дело не столько в географическом расстоянии, сколько в дешевизне транспорта. Однако нет оснований думать, чтобы транспорт из персидско-месопотамской области мог обойтись дороже транспорта из частей Азии, расположенных дальше к востоку, или из других пунктов земной поверхности. Наоборот, благодаря близости Суэцкого канала, приходится допустить, что персидско-месопотамская нефть выступит даже конкурентом на южно-европейском рынке.

Правда, дальше на севере, в области нефтяных источников Каруна, дорог почти нет. Горные проходы Пушт-и-Ку считаются одной из самых диких местностей Луристана и почти непроходимы для человека. Через наиболее дикую часть знаменитого Загорского хребта ведет только одна единственная горная тропинка из Дисфула к Буруджирду, доступная только пешеходу и уже непреодолимая для всадника. Ею пользуются только местные бахтиарские племена во время своих паломничеств. Здесь южно-персидской нефти пришлось бы преодолеть конкуренцию прежде всего русской и румынской нефти, а до некоторой степени и американской,—последнее зависит, главным образом, от политики цен Standard Oil Company.

Таким образом, расположенные дальше к северу месторождения нефти еще не принимаются во внимание. Первоначально производилось бурение и там, напр. в Казр-и-Ширине, но впоследствии пришлось отказаться от этого вследствие того, что Ахвас и Майдан-и-Нафтун доставляли такое количество нефти, что ее некуда было сливать,

В случае ослабления производительности этих источников, что, по всей вероятности, является вопросом очень отдаленного будущего, или в случае значительного улучшения экспортных возможностей из Аббадана всегда останется возможность соединить и северную нефтяную площадь трубопроводом.

9. Месопотамская нефть.

Что касается месопотамской нефти, то для нее, может-быть, даже и не понадобилось бы трубопровода. Тут Багдадская железная дорога уже давно проектирует после завершения постройки главной линии проложить боковые ветки к нефтепромыслам и применить нефтяные двигатели. Также и торговое судоходство по Тигру, поскольку оно развивается, должно было, пользуясь близостью нефти, перейти на нефтетопливо.

Месопотамские нефтяные залежи, геологически принадлежащие к той же формации, что и персидские залежи у Каруна, расположены в Багдадском и Моссульском вилайетах. К северу от Багдада нефть встречается в больших количествах возле Керкука, Кифри и Казр-и-Ширина. У последнего она соединяется непосредственно с персидскими месторождениями. Багдадская железная дорога наметила себе прежде всего переход на нефть на ветках, ведущих к персидской границе, где и предполагает добывать ее.

Значение нефти для транспорта и политическое значение ее во всей этой персидско-месопотамской области ясно выступает из следующих четырех возможностей ее применения: для Багдадской дороги, для речного судоходства, для океанских моторных судов и для экспорта. При этом я хочу только вскользь упомянуть о местном судоходстве, так как оно, по всей вероятности, останется далеко позади остальных трех возможностей применения нефти. Это относится одинаково как к Тигру, так и к Каруну. Достаточно указать на то, что по Тигру курсировали самые современные (моторные) суда на-ряду с судами

старейшей конструкции. Один корреспондент „Daily Mail“ сообщает в начале 1916 г.

„Флот, предназначенный для транспорта и состоящий из колесных пароходов вместимостью в 400—500 тонн и с глубиной посадки в $1^1/_2$—2 метра, движется вровень с идущей по берегу армией. Каждая бригада имеет свое судно, которое снабжает ее продовольствием. Это судно, в свою очередь, снабжается туземными лодками (mahalla). Этот местный флот, обслуживающий речные порты, представляет чрезвычайно живописную картину своими высокими, наискось поставленными, несколько наклоненными вперед, мачтами, длинными скамьями для гребцов, с латинским парусом и остро отточенным носом. Лодки разрисованы наподобие китайских джонок, но только на них арабские украшения и письмена, — звезда, полумесяц и разные фигуры, похожие на изображение небесных фигур зодиака, — выкрашены большей частью белой краской по зеленому, красному или желтому фону. На каждой лодке имеется большая глиняная печь, похожая на исполинский муравейник. Задняя часть лодки покрыта досками и предназначена для экипажа судна. „Mahalla“ имеет 15—70 тонн вместимости и соответственно этому перевозит грузы. Она проходит в сутки 16 км., когда идет против течения, и 9 км. в час, когда идет по ветру. Большая часть этого флота, совершенно неоценимого в местных условиях, находится в нашем распоряжении и только очень незначительная и менее пригодная часть находится в турецкой зоне к северу от Кут-эль-Амары.

Гондолы Басры—по-арабски „bellum“—передвигаются при помощи шестов или весел, смотря по глубине реки. Обшитые железом, лодки эти служат для того, чтобы доставлять пехоту к позициям. Когда арабские лодочники дезертируют, то нашим сипаям приходится продвигать ее дальше. Удивительным и, без сомнения, самым совершенным из всех средств передвижения на Тигре является, безусловно, одно своеобразное судно, которое лучше всего определить как помесь лодки с аэропланом. Оно снабжено воздушным пропеллером и дизелем в 50 сил и произ-

водит больше шума, чем маленький боевой корабль. Это чудо судотехнической импровизации служит сейчас плавучим госпиталем. Оно постоянно сохраняет связь между полевым и лагерным лазаретом. Другое, известное только на Тигре судно имеет подобие котла. Оно представляет, по всей вероятности, самый древний в мире тип судна. Остов его составляет большая корзина, сплетенная из тростника, с вертикально поставленными досчатыми стропилами, промазанными дегтем и смолой. Уже Геродот описывал их в качестве судов, „звучащих, как щиты“, когда, нагруженные товарами, они плывут вниз по течению из Ниневии в Вавилон. Каждую такую „гуффу“ тянет осел“.

* * *

Одна только трудность стоит в мирное время на пути эксплоатации месопотамской нефти, — это транспорт. Специалисты не советуют экспортировать месопотамскую нефть по Тигру к морю. Если бы была решена постройка нефтепровода, то последний должен был бы быть проложен в большей своей части по болотам Двуречья, что значительно затруднило бы его постройку. Правда, и это препятствие устранимо. Если, как можно ожидать, месопотамские источники окажутся такими же богатыми, как персидские, то богатейшая добыча (в истории эксплоатации нефти не было еще подобной этой) окупила бы постройку и более длинного и дорого стоящего нефтепровода.

Багдадская дорога приобрела себе пока-что нефтяной участок в Гаджаре, который разбит на всем его протяжении. Там вскоре около Мендели будет приступлено к работам. Затем проектирована постройка веток в Туз-Хурмату и Ханикин-Казр-и-Ширин для присоединения тамошних источников. Если бы Багдадская дорога была вынуждена работать на угле, то экономическое ее положение было бы значительно тяжелее. Только наличие нефти позволяет ей пользоваться (вместо слишком дорогого в той местности угля) топливом, цена которого окажется доступной,

10. История эксплоатации нефти в Персии и Месопотамии.

Нефтяные источники области Двуречья и юго-западной Персии являются, пожалуй, самыми древними из всех известных человечеству и использованных им источников. Здесь в течение тысячелетий добывалась нефть и употреблялась для целей освещения и варки пищи. Здесь также было, по всей вероятности, положено начало и приложению нефти для военно-технических целей.

Повидимому, также не является случайностью и то, что огнепоклонничество началось в этой стране. Как в северной, так и в южной части нефтяной области, простирающейся от Кавказа до Персидского залива, огнепоклонничество было, повидимому, обычным явлением. В некоторых местах оно сохранилось до последнего времени. Возле Сураханы (Баку) еще и по сие время стоит старый храм огнепоклонников, в котором с незапамятных времен священниками оберегалось священное пламя. Оно поддерживалось выделяющимся через трещины земли естественным подземным газом. Только недавно, в последних годах XIX столетия, умерли последние священники, и святое пламя погасло.

Легко можно допустить, что религиозное поклонение чистому огню взяло свое начало от горящих газовых источников. Когда евреи были вынуждены переселиться в Персию, то они нашли там ямы, в которых священники держали скрытым свое священное пламя. В этих углублениях скапливалась нефть, и места, в которых охранялся огонь, почитались святыней. Их называли местами всепрощения или примирения (nephtar или nephtoi),—отсюда и происхождение слова „нефть“.

Народам древности, техника которых, по нашему теперешнему представлению, была очень примитивной, огонь представлялся почти таким же чудом, как и диким народам, с почтительным удивлением смотревшим на него. Каждый

знавший или усовершенствовавший искусство добывания огня слыл у тех народов за полубога. Прометей, принесший огонь с неба, был за это преследуем и наказан богами. Вероятно, и предание об ангелах, прогнавших Адама и Еву из рая с пылающим мечом в руках, указывает на горящие газовые или нефтяные источники. Какое религиозное значение придавалось огню в поклонении Зароастру, всем хорошо известно.

Упоминание о нефти, нефтяном газе и асфальте встречается в самых различных поэтических и религиозных преданиях первобытных народов Персии и области Двуречья. Поэма „Издубар" упоминает о встречающейся в Месопотамии нефти. О том же говорится в еврейском предании о всемирном потопе. Когда Ной решил пуститься в плавание в своем ковчеге, он предварительно заделал его швы асфальтом, происхождение которого, равно как и всего предания, ясно указывает на область Двуречья.

Сгущенная нефть (земляная смола или асфальт), добываемая из источников вблизи Евфрата, служила вавилонянам замазкой для их построек. Далее она применялась для бальзамирования мумий, особенно в древнем Египте, где для такой цели пользовались нефтью или добываемым из нее асфальтом. Дальнейшим применением нефти было изготовление чернообожженных и черновыкрашенных глиняных сосудов. При производстве строительных работ в Вавилоне, так же, как и в Ниневии, применялся род асфальтовой замазки, основной материал которой добывался выветриванием нефти, выбрасываемой источником около Иса, притока Евфрата. До сих пор еще бьют эти источники, которые, подобно горящим нефтяным источникам и огненным языкам, виденным Страбоном вблизи теперешнего Керкука, горели, вероятно, в течение тысячелетий. Там же применялась еще 2.000 лет назад добываемая из этих источников нефть, как осветительное средство; к тому же времени относится упоминание о беспрестанно появляющихся огненных языках даже и при сухой погоде.

Геродот говорит об одном имении царя Дария, называвшемся Ардерикка, отстоящем на 210 стадий от Сузы и

на 40 ст. „от источника, доставляющего три рода вещей: смолу, соль и нефть. Они достают это шестом, к которому вместо ведра прикрепляется мех. Его опускают вниз и потом подымают кверху и выливают содержимое в так-называемый приемник; здесь жидкость превращается в три рода вещей: в смолу и соль, которые сейчас же оседают, нефть же они собирают в кадки, и персы называют ее радинак; она черного цвета и имеет резкий запах“ [1]).

Аполлоний говорит только об асфальте, нефти и воде, как о составных частях источника. Ардерикский источник лежал, по всей вероятности, в удаленной низменной долине, по которой проходит дорога из Дизфула на север; она носит название Кираб. Она сохранила еще следы старинного шоссе, поднимающегося из Сузской долины в горы и развалин древнего города, около которых находится источник, доставляющий еще и теперь, как и во времена Геродота, нефть.

Почва там пропитана нефтью, вода вредна для здоровья.

Не может быть простой случайностью то обстоятельство, что столицы Арсакидов и Сассанидов находились именно в нефтяной области. Также мало вероятно совпадение, что возле источников газа и нефти находились места поклонения самых различных религиозных сект: так, напр., святыня Анаит— много столетий спустя мечеть четвертого калифа Али. В этой святыне, по сказанию, каждую пятницу сам возгорался светильник. Горящее море, описанное Плутархом вблизи Экбатаны, могло послужить поводом к постройке столицы рядом с этим загадочным, ниспосланным небом явлением. Так или иначе, названия известнейших местонахождений нефти в Персии тесно связаны с древнейшими преданиями истории культуры человечества. Здесь соприкасаются между собой старый и новый мир.

Ясно, что уже в те стародавние времена обладание источником нефти считалось очень важным и рассматривалось как особая милость неба.

---

1) Геродот, книга 6, гл. 119.

В связи с этим одна из первых государственных монополий была, повидимому, введена в Индии, где „индийский огонь“ окружался таинственными предписаниями, чтобы ни один непризванный не смог постигнуть тайны изготовления этого военного средства, которое не могло быть потушено даже и водой. Об этом говорится в Сакунтале. В Индии признавалось, что индийский огонь добывается из гигантского червя, лежащего в реке Инде.

Подобно этому и прочие государства стремились к тому, чтобы сохранять в тайне изготовление военных средств, в которых применялась нефть. Самым ярким примером является „греческий огонь“, который так успешно оберегался византийскими царями, как государственная тайна, что их морская гегемония считалась неоспоримой в течение столетий. Она была утеряна только тогда, когда сарацинам удалось, вследствие измены, овладеть строго оберегаемым огнем.

Напротив, керосин употреблялся, в общем, лишь в качестве осветительного средства и для варки пищи. Так, Диоскорид и Плиний упоминают об агригентской нефти, которая применялась для горения в лампах под названием „сицилийской нефти“. С острова Занте ею снабжалась часть Греции.

Меньше всего, повидимому, знали, каким образом пользоваться нефтью, там, где она встречалась в сгущенном виде. К грандиознейшим местонахождениям этой нефтяной смолы издавна принадлежали Месопотамия и Сирия. В некоторых местах она залегала в целых озерах, как, напр., в Мертвом море, названном римлянами асфальтовым морем (Lacus asphalticus). С ним может сравняться только озеро Пич на Тринидаде, состоящее исключительно из смолы.

Повидимому, действовали также уже в древности и нефтяные источники возле Ренгуна, у Иравади. Можно принять, что ими пользовались индусы, цари которых, как о том подробно повествует Этезий, применяли при осадах род нефти, делавшей ненужными все тараны и осадные машины; ею наполнялись глиняные сосуды, которые бросались в ворота осаждаемого города и, разбиваясь о них, из-

ливали свое содержимое на ворота; разгоравшееся вследствие этого пламя сжигало солдат вместе с их вооружением и не могло быть затушено иначе, как только тем, что на него высыпали много мусора. Быть-может, отсюда эти сведения проникли на Запад. Римский историк Аммиан Марцеллин, участвовавший в персидской войне во времена Юлиана в 363 г. по Р. Х., сообщает: персы кипятят сначала обыкновенное масло, смешивают его потом с нефтью и пропитывают этим составом стрелы, которые зажигаются и выпускаются из лука с незначительной скоростью, так как слишком быстрый полет мог бы потушить их. Попав куда-нибудь, такая горящая стрела продолжала гореть, и если бы ее пытались затушить водой, огонь разгорался бы только сильнее; единственное средство, способное потушить ее,—это песок.

Но уже и раньше это применение нефти в военной технике Востока было известно и на Западе. Так, Фукидид, Ливий и немало других историков описывают применение зажигательных снарядов, для изготовления которых пользовались нефтью и смолой. Сохранились описания одного морского сражения у Марселя в древности, затем описание уничтожения египетского флота Цезарем, при которых применялась нефть, как военно-техническое средство.

О греческом огне я здесь упомяну только вкратце. Сильная горючесть его объясняется, по всей вероятности, свойствами нефти и смолы, составлявшими, должно-быть, основу смеси. Тайна его изготовления почиталась „палладиумом“ Византийской империи. Она была, повидимому, занесена сирийским архитектором, бежавшим в 673 г. из Гелиополя в Константинополь, где она сейчас же была оценена по достоинству. Здесь она была монополизирована для военно-государственных целей. Царь Константин Порфирородный внушал своему сыну Роману в одном письме, что, если бы варвары вздумали потребовать у него тайну греческого огня, то ему надлежало ответить, что ему не позволено открыть ее, так как ангел, доверивший ее царю Константину, строго запретил ему сообщать ее другим народам; что некоторые наглецы, попытавшиеся проникнуть в тайну

и воссоздать смесь, были уничтожены огнем. По всей вероятности, масса, заключавшая в себе, кроме нефти и смолы, еще и серу, селитру и уголь, взрывалась при ее смешивании.

Греческий огонь, как военное средство, нашел себе богатое применение в 678 г. в морском сражении при Кизике, а позже и во многих других морских сражениях. Пока Зап. Европе не стали известны содержащие селитру боевые снаряды, греческий огонь давал громадное превосходство его обладателю. Он заключался в „огневые горшки". Повидимому, он обладал большими преимуществами по сравнению с прежними военными огнями.

Константин Порфирородный имел достаточно оснований оберегать свой военный огонь, как ценный клад. Ведь, ему он обязан был спасением своей столицы в 941 г., осажденной русскими во время княжения Игоря. Русские были вполне убеждены в своем успехе, так как они располагали для осады 1000 судами, в то время как в распоряжении византийцев было только 15 военных кораблей. Однако последние были не только спереди, но и с боков, и сзади снабжены огнеметательными орудиями. Особенный ужас вызвал греческий огонь в этом случае, как, впрочем, и во многих других, тем, что совершенно необъяснимым для потерпевшего образом вода его не только не тушила, но как-будто даже разжигала еще сильнее. В те времена, когда еще жива была вера в колдовство и волшебство, это могло быть объяснено тем, что враг находится в союзе с диаволом. Так или иначе, моральное воздействие этого военного средства должно было быть очень велико.

Около 1200 г. тайна греческого огня сделалась, повидимому, известной и другим народам. Так, на Западе проникли в эту тайну в 1204 г. при взятии Константинополя, но не воспользовались ею по религиозным соображениям. Узнали ее и сарацины. Они воспользовались ею для уничтожения осадных машин крестоносцев во время осады Диррахия и Птолемаиды. В 1218 г. сарацины выбросили из города при осаде Дамиэтты огненную массу величиной с бочку, которая со свистом и треском пролетела

над лагерем христиан, осветив его своим огненным хвостом, и сожгла много кораблей.

Насколько это повествование соответствует истине, — трудно учесть. Вероятно, суеверный страх значительно преувеличил действие военно-технического снаряда врага. Мы должны сделать это допущение еще и потому, что арабы в течение последующих веков потеряли, странным образом, свое военно-техническое превосходство над другими народами, при чем, прежде всего, не могли остановить нашествия турок и монголов из недр Азии, несмотря на то, что они имели полную возможность заручиться значительным военно-техническим превосходством, благодаря нефти, все важнейшие источники которой находились в их руках.

Во времена калифата Ахвас был одним из важнейших городов Азии. Однако значение его зависело не столько от добычи нефти, сколько от сахарного производства. В его окрестностях находились большие плантации сахарного тростника, из которого добывался сахар. Плотина (bend), устроенная на Каруне, служила для целей орошения плантаций. Часть этой плотины, длиною 33 м. и вышиной и шириной в некоторых местах свыше 3 м., еще прекрасно сохранилась. Отдельные камни имеют $2^1/_2$—3 м. в квадрате. На жженых кирпичах, из которых состоят кучи мусора, тянущиеся длинной вереницей, не видно ни следа смолы или каких-либо надписей. На высеченных же квадратных камнях сохранились очень отчетливые следы скульптурных изображений всей магометанской эпохи. Загадочным является большое количество круглых, просверленных в середине, мельничных жерновов. То обстоятельство, что они были найдены недалеко от старого водопровода, заставило думать, что они имеют отношение к нему. Вероятно, они имеют отношение к сахарным прессам, хотя тогда их число должно было бы быть необычайно велико.

Ахвас принадлежал в то время к числу самых больших городов мира; он был окружен лесами сахарного тростника и имел много сахарных заводов. В Персии, а также во всей средиземно-морской области никакой другой сахар не был

так популярен, как ахвасский. О нефти же в то же самое время, странным образом, почти не упоминается.

Позднее добыча нефти у Евфрата, очевидно, взяла верх над Ахвасом. Так, Нибур упоминает в своем путешествии в Аравию (XVIII стол.), что Хитский источник у Евфрата отличается особенным обилием нефти, и что им часто пользуются для конопачения судов; что нефть очень ценится; что простой сорт нефти черного цвета применяется для ламп; все факелы в Багдаде состоят из свернутых клочков материи, пропитанных нефтью и потом высушенных.

Нужно признать, что техника нефтедобычи и нефтеприменения, если не принимать во внимание греческого огня, претерпела только очень незначительные изменения за целые тысячелетия. Почти не было известно применение нефтяного газа. Уже Страбон упоминает о газовом источнике к северо-западу от Керкука, не говоря при этом ни слова о какой-либо попытке его применения; об этом умалчивают и позднейшие авторы. Названия, даваемые газовому источнику, свидетельствуют только о том, что арабы и турки давали себе отчет о связи нефтяного газа с нефтяными месторождениями и их технической полезностью: арабы назвали источник Баба-Гургур (отец нефти), турки—Коркуб-Баба (отец варки).

11. Персидско-месопотамский нефтяной район.

Месопотамские месторождения нефти образуют, если верить последним изысканиям, западную границу обширной нефтеносной области, простирающейся от Апшеронского полуострова у Каспийского моря, вдоль западных пограничных хребтов Персии до Белуджистана. Персидско-месопотамский нефтяной район занимает внутри всей этой области территорию, ограниченную горными хребтами, идущими от Арарата, где сталкиваются политические границы России, Турции и Персии, до Персидского залива и до берега Аравийского моря. Они составляют западную и южную границу Иранского плоскогорья, поднимаются частью до значительной высоты и состоят из более старой горной поро-

ды, в то время как западнее к ним присоединяются более низкие кряжи гор и холмов, принадлежащие к более молодым эрам истории земной коры. В этих позднейших отложениях лежат нефтяные пласты. Западные горные кряжи напоминают в этом отношении Карпаты, в которых богатые залежи нефти находятся на отрогах, спускающихся в долину.

Пока еще не установлено, каким образом соединяются между собой нефтяные пласты различны хучастков этой области; мнения специалистов на этот счет расходились довольно долго. Специальная комиссия, отправленная „Deutsche Bank“ в Месопотамию в 1905 г., сделала тогда мало-утешительный доклад, в то время как на основании позднее высказанных мнений, вызванных, быть-может, успехом англичан в Персии, установлено, что нефтяные залежи Месопотамии могут конкурировать, как в смысле размеров площадей и богатства, так и в смысле качества добываемой нефти, с лучшими и богатейшими из известных месторождений других стран.

В расчет берутся, главным образом, две области: во-первых, ахвасский район в персидской провинции Хузистан и, во-вторых, лежащая по обе стороны турецко-персидской границы область Казр-и-Ширин на пути из Багдада к Тегерану. Здесь проходит старая дорога, ведущая из Вавилона к мидийскому плоскогорью со столицей Экбатаной. По крайней мере, на 160 км. в длину растянулся в этой области пласт миоценового мергеля и извести, в котором повсюду между турецким Керкуком и персидским Казр-и-Ширином содержится нефть.

В каком соотношении между собой находятся нефтяные источники Хузистана и источники, расположенные к северу от Багдада,—нам неизвестно. За наиболее детальной информацией все еще приходится обращаться к книжке Карла Риттера: „Westasien“.

В Казр-и-Ширине, согласно описаниям Моргана, нефть добывается из имеющих подобие цистерн колодцев, глубиной всего в 5—8 м., и расходуется в ближайшей окрестности. В Керкуке нефть в некоторых источниках выделяется даже самопроизвольно. Также и в других местностях нефть зале-

гает на незначительной глубине или лежит на поверхности. Все эти месторождения нефти относятся к материковой третичной формации; это относится к Текриту у Тигра, к Назрие и Хиту у Евфрата и недалеко от Мендели и Туз-Хурмата. Морган выводит из этого, что к северо-востоку от Багдада у Тигра, так же, как и по нижнему течению Евфрата в области древнего Вавилона, находятся богатейшие залежи нефти, которые еще будут открыты. По этому поводу корреспонденция Пипера сообщала в 1905 г.: „Геологически месопотамские залежи нефти составляют часть южно-персидской складчатой системы. Исследования нефти близ Мендели показали, что она имеет почти тот же химический состав, что и бакинская нефть. Нефтяные залежи, о которых идет речь, принадлежат, за исключением туз-харматских, Турции и находятся в Моссульском вилайете (у Тигра) и в лежащей по ту сторону Ефврата части Багдадской провинции. В Моссульском вилайете находятся следующие нефтяные источники: Абъяк, Баба-Гургур (к сев. от Керкука), Гаяра у Тигра, Гуил (к югу от Чемчемола), Нимруд, Кифри, Туз-Хурмат и Зару у реки Хабур. В Бададском вилайете находятся следующие месторождения: Хит, Рамада, Нафата и Мендели. Из них мендселинские залежи наиболее богатые. Около дюжины источников выбрасывают с большой силой нефть, которая отличается высокими качествами".

В одном ущелье гипсовых гор, в 2 часах ходьбы к северо-западу от Керкука, Оливер обнаружил у самой дороги и во многих местах нефть, пробивающуюся через слой гипса. Он писал: „Там роют колодцы, глубиною от 5 до 12 футов, чтобы добывать из них нефть, которая отправляется для продажи в Керкук. Другой путешественник сообщал, что он нашел в цепи низких, увенчанных скалистыми краями гор, 10 нефтяных источников, которые своим запахом давали о себе знать на далеком расстоянии, несмотря на зимнее время года (декабрь). При приближении запах серы вызывал головную боль. Многие из этих источников, лежащих друг возле друга на пространстве в 400—500 шагов, имели в диаметре 4—5 футов и были глубиною в 10—12 футов Для того, чтобы

спускаться к ним, были высечены ступени в скале. В зависимости от сухости или сырости погоды нефть в них поднимается или опускается. Она черного цвета и доставляется в кишках в Керкук. Годовой оборот этой торговли оценивается в 30—40.000 пиастров. Эта нефть сбывается только на рынках Курдистана в то время, как Багдад снабжается керосином из Кифри или из Хита.

В непосредственной близости этих источников тянутся болота, содержащие сернистый ил, а в нескольких стах шагах дальше к востоку, на вершине той же горы, находится плоское, круглое углубление в земле, 50 футов в диаметре, из которого выбрасываются язычки пламени без следа дыма, но с запахом серы. Достаточно воткнуть в землю нож на глубину одного фута, чтобы вызвать появление нового язычка пламени. Все это принимается за серную кору, образовавшуюся над очагом пламени".

Еще один путешественник, Энсворт, рассказывает: „На этом месте насчитывается 7 нефтяных источников, занимающих в общей сложности квадратную площадь в 300 шагов. Глубинный слой является толстым, содержащим нефть пластом с прослойками раковинного известняка, к которому в верхних слоях примешивается мергелевый песок, заключающий в себе зернистые частицы серы. Колодцы роют до глубины 12—15 футов, до такой же глубины, на какой появляется пламя в Абу-Гургуре; нефть пробивается из боковых поверхностей колодца, следовательно, не лежит на воде или на соляном пласте, как в гипсовой почве Туз-Хурмата. Ежедневно выкачивается из каждого колодца от 8—10 галлонов нефти; t^0 колодцев—$21,5^0$. „Черную" нефть, добываемую здесь, арабы называют „кара"-нефтью, прозрачную нефть—„абиад", что значит „белая нефть".

Пересекающий турецко-персидскую границу нефтяной бассейн имеет в длину 2.000 км. Он простирается до Персидского залива. Мы не знаем до сих пор никакого другого месторождения нефти, имеющего такое значительное протяжение. Около 1.700 км. этой широкой полосы лежит на персидской и около 300 км. на турецкой территории. В обеих странах содержащие нефть

слои принадлежат к гипсовой или солевой формации, которая причисляется к более молодой третичной формации. Залежи приобретают еще большую ценность по той причине, что нефть в некоторых участках лежит прямо на поверхности. Где производительность больше, на персидской или на турецкой территории,—сказать трудно. В Турции особенно богаты Менделинские источники, где во многих колодцах выступает нефть, химический состав которой близок к бакинской нефти, к которой она близко подходит по качеству.

Далее, Хитский нефтяной участок у Евфрата отличается примесью нефтяной смолы. Там находится, подобно озеру Пич на острове Тринидаде, смоляное озеро, почти около 2-х миль в диаметре. Также Басра и Ковейт имеют значение в добыче нефти. Все эти местности расположены, так же, как и Рамада и Нафата, в Багдадском вилайете. На северо-западе прилегает к нему Моссульский вилайет, наиболее значительные месторождения нефти которого находятся к югу от Моссула, в Нимруде, затем особенно в Керкуке, Туз-Хурмате, Кифри и Мендели. Близ Кифри находится в так-называемых серных горах, на которых высятся также и руины древней крепости Сассанидов, около полудюжины богатых нефтяных источников. Нефть плавает там обыкновенно в складках гипсового слоя, непосредственно на соляном пласте, служащем арабам для добывания соли. За исключением нефтяных залежей Туз-Хурмата, богатого города с 5.000 населением, все эти нефтерождения принадлежат Турции.

В Персии важнейшая нефтеносная площадь лежит, являясь непосредственным продолжением Казр-и-ширинских залежей, к северо-востоку от них, близ Керманшаха и Шуштера, и в его окрестностях, где находятся богатые нефтяные источники Кир-Аба. Потом следуют большие промежутки. Однако постоянно открываются все новые и новые залежи, как вдоль берега Персидского залива, так и дальше внутри страны, почти вплоть до границы Белуджистана. Независимо от этих залежей, расположенных в юго-восточной Персии и принадлежащих к провинции Хузистан, на границе Сузианы и Персиды особняком лежит несколько газовых и

нефтяных источников, о которых пока известно еще очень немного.

Теперь уже и местные жители Персии и Месопотамии вполне прониклись серьезным значением нефтяных и газовых источников. К тому же и турецкое правительство уже далеко не так беспомощно при разрешении технических и экономических проблем, как то было при Абдул-Гамиде, который был занят только одной мыслью—разрешить их в свою пользу. Теперешнее правительство имеет гораздо более широкий взгляд на вещи. Оно хочет заменить кустарную добычу нефти, производимую населением почти теми же первобытными способами, которые описывал когда-то Геродот, более целесообразной и полной эксплоатацией источников.

До сих пор источник обыкновенно сдавался правительством в аренду на 3 года и доставлял государственной казне только очень незначительный доход.

Мало того: создалось совершенно нелепое положение, в силу которого местная нефть не покрывала даже спроса Багдада и Моссула или забраковывалась покупателем, вследствие ввоза большого количества хорошо очищенного русского и американского керосина.

Известную роль играла при этом упаковка: американский и русский керосин продается в жестяных бидонах, которые представляют особую ценность для малокультурных народностей. У западного побережья Южной Америки, в некоторых частях Восточной Азии, в дальних областях Африки и в Турции жестяные бидоны из-под нефти находят себе разностороннее применение. Немало покупателей предпочитают ввозной керосин местному исключительно в силу его упаковки.

После того как Англо-Персидское О-во пошло полным ходом, ввоз керосина значительно сократился, по крайней мере, ввоз через порты Персидского залива.

Через эти порты ввозилось:

1909/1910 г.	на сумму	52.820 ф. с.
1910/1911 г.	„ „	45.691 ф. с.
1911/1912 г.	„ „	44.066 ф. с.

12. Наступление России.

В северо-персидской нефтяной области, расположенной в русской зоне влияния и простирающейся между Каспийским морем и хребтом Эльбурс на 600 км. в длину, отдельные месторождения нефти лежат изолированно. Они встречаются от Ардебиля, у русской границы, близ Каспийского моря, и до Астрабада. Уже давно делались попытки к добыванию нефти в некоторых участках этой области; однако работа велась не так энергично, как на юге Англо-Персидским Обществом.

Все же, повидимому, под впечатлением успехов, достигнутых англо-персидской нефтью, царская империя задалась большими планами. Она выговорила себе в северной части страны различные железнодорожные концессии с целью политической и экономической эксплоатации северной Персии. Приманкой являются прежде всего минеральные богатства Персии. Согласно донесению консула С.-А. Соед. Штатов в Тегеране, шесть областей могут быть приняты в расчет для будущей горнопромышленности: 1) провинция Азербейджан, 2) отроги Эльбурсского хребта, 3) Хоросан, 4) Кирман, 5) местность возле Испагани и Наипа и др. обл. Персидского залива. В Азербейджане встречается на большом протяжении железная, свинцовая и медная руда; свинец находится еще в Халкалской обл., а вблизи Тавриза попадается уголь. Отроги Эльбурсского хребта изобилуют углем и рудой. В Хоросане находятся бирюза, железо, уголь и соль. Кирман доставляет медь, свинец, марганец, железо, ртуть, никкель, кобальт, мрамор, борнокислую магнезию и бирюзу. В южных областях, вдоль восточного побережья Персидского залива, имеются залежи нефти, каменной соли и железной руды.

Особенное внимание из всех подземных богатств, могущих быть предметом эксплоатации, заслуживает нефть, так как она обещает, благодаря легкости сбыта, большой и быстрый доход. Пока-что, поскольку вопрос касается боль-

ших городов Севера, Персия, при всем своем богатстве нефтью, стоит в зависимости от импорта русской нефти из Баку; в южные провинции страны русская нефть не проникает, вследствие отсутствия железнодорожного сообщения между Севером и Югом.

Так как русская зона влияния лежит на севере, то один из двух больших нефтяных районов раскинувшихся через Персию, всецело попадает в русские руки. Этот северный нефтяной район простирается от провинции Гилян у Каспийского моря до Астрабада, захватывая расположенные по соседству с Гиляном береговые провинции и растянувшись на 600 км. в длину. Он составляет непосредственное продолжение кавказского нефтяного района.

В ближайшем будущем он будет особенно ценен в связи с тем обстоятельством, что добыча кавказских нефтяных источников, не только бакинских, значительно понизилась. Большая английская нефтяная фирма на Кавказе—North Caucasian Oilfields C° Ltd.—указывает в своем годовом отчете (1916) на то, что, несмотря на неожиданно высокую добычу промыслов Белика и Чермоева в Грозном, которая по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 80.000 тонн и, несмотря на сокращение бурения, они недолговечны.

Так или иначе, в России придается большое значение персидской нефти, особенно в связи с успехами Англо-Персидского Нефтяного Общества и усилением импорта американской нефти. Для борьбы с последней, согласно сообщению от начала 1917 г., по предложению царского наместника на Кавказе, количество предназначенной к экспорту в Персию нефти должно было быть увеличено на 2 милл. пудов в год.

Повидимому, персидское правительство под более или менее сильным давлением России упускает из своих рук северный нефтяной район Персии. „Новое Время“ от 21/v 1916 года сообщает: намечено образование русско-персидского нефтяного и торгового общества „Рупенто“, которому „Société Khochtaria“ уступило свои персид-

ские концессии; бурение предположено в больших размерах, приобретается пароход; осенью прибудет группа геологов; для ведения дела приглашен инженер князь Амираджиби. Общество „Хоштария“ существует уже давно, но мало чего достигло. Является ли тому причиной отсутствие капитала или русская инертность,—трудно сказать. Много лет назад русское общество шоссейной дороги Энзели—Тегеран заключило договор с обществом „Хоштария,“ предоставив последнему род монополии на этом шоссе. Общество „Хоштария“ предполагало обслуживать его автомобилями, которые, однако, еще до конца 1913 года находились в Баку, так как общество не было в состоянии внести требуемого фабрикой взноса в размере $^2/_3$ покупной цены. Между прочим, предполагалось, что грузовая телега, запряженная 4-мя лошадьми и с 2500 кгр. грузоемкости, будет платить 65 кран шоссейного сбора, в то время как 40-сильные автомобили общества Хоштария должны были уплачивать за тот же фрахт 93,25 кран, прочие же автомобили—1074,40 кран, следовательно, в 11 раз больше. В отношении пассажирских автомобилей дело обстояло несколько благоприятнее, хотя все-таки наложенный на них шоссейный сбор в шесть раз превосходил взнос, собираемый с автомобилей „Хоштарии“. Другие предприниматели не могли бы вступить в конкуренцию с этим монопольным обществом, так как они бы не нашли ни пассажиров, ни автомобилей. Таким образом, остались старые четырехупряжные телеги и дрожки, местами заменявшиеся караванами верблюдов и мулов. Теперь, наконец, бездеятельное общество „Хоштария“, повидимому, заменено обществом „Рупенто“.

В конце января 1917 г. появилось сообщение из Тегерана, что персидское правительство дало представителю русских финансовых кругов право исключительной эксплоатации нефтяных источников в Ардебильском округе сроком на 70 лет. „Новое Время“ констатирует, что, таким образом, все нефтяные богатства северной Персии, включая провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад, переходят в русские руки. Таким образом, сильная иностранная конкуренция, стоявшая на пути России в при-

каспийских провинциях Персии, может считаться совершенно устраненной.

Вероятно, успехи, достигнутые Англо-Персидским Обществом, послужили толчком, заставившим Россию закрепить за собой северные нефтяные залежи Персии. Это обстоятельство, приближающее момент столкновения Англии с Россией на нейтральной зоне Персии, является одновременно новым звеном в цепи экономического порабощения Персии. Без сомнения, русское правительство не приняло бы так спокойно объяснения английского правительства касательно принятого им участия в персидской нефти в 1914 г., если бы непосредственно за тем не разразилась мировая война, потому что объяснения, данные Эдуардом Греем в нижней палате, едва ли могли удовлетворить Россию. Грей заявил, что концессия Англо-Персидского Общества имеет бо̀льшую давность, чем англо-русское соглашение по поводу Персии, и что Англия просто вступает на правах акционера в давно уже существующее предприятие. Формально это правильно; по существу же государства обычно не довольствуются такими объяснениями и требуют для себя „компенсаций" за все фактические преимущества, получаемые другой стороной. Потому и в России была усмотрена большая разница между тем, когда какое-либо акционерное общество вступает в права другого, и когда концессия, данная при одних условиях, приобретается государством для использования ее в военно-политических целях.

В общем, использование подземных богатств Персии в большом масштабе немыслимо до тех пор, пока не будут значительно улучшены ее транспортные условия. За исключением одной маленькой ветки, соединяющей Тегеран, столицу Персии, с отстоящим в нескольких километрах от него местом паломничества (Шейх Абдул-Азим), во всей Персии до сих пор не было железных дорог. Несколько лет назад русские начали постройку железной дороги из Тавриза в Джульфу, которая, по русским сообщениям, должна быть открыта к концу 1916 г. Впоследствии царская империя выговорила себе в 1913 г. у сформировавше-

гося тогда нового персидского правительства право на продолжение этой ветви от Тавриза до озера Урмии и попутно право эксплоатации угольных и нефтяных залежей в 60-верстной полосе по обе стороны железной дороги сроком на 75 лет; Персия должна была участвовать в добыче в размере 20%.

Пока-что, однако, сообщение поддерживается, большей частью, по старинным караванным трактам при старейших из всех известных человечеству способах передвижения: обычно при помощи верблюдов или мулов, ослов и лошадей, реже на телегах. Последние требуют шоссейных дорог, тогда как при пользовании вьючными животными делаются доступными и самые неприспособленные дороги. Только на некоторых участках было за последние годы введено автомобильное сообщение. В северной Персии Россия выстроила дороги, заметно оживившие сообщение. Самый важный для транспорта товаров из старых караванных путей ведет из Трапезунда через Тавриз к Тегерану. Расстояние равно 1700 км., каждые 100 кгр. на весь этот путь обходятся в 120 м., переход совершается в течение $2^1/_2$ мес. Сообщение по персидским дорогам затрудняется разбойничьими бандами, особенно развившимися в Курдистане и Арабистане.

Несмотря на все приложенные усилия, русской торговле в Персидском заливе до сих пор еще ничего не удалось достигнуть. Впервые русские торговые суда показались в Персидском заливе в 1891 году. Австрийские, германские и турецкие торговые суда появились позднее.

В 1901 г. Русское Общество Пароходства и Торговли снарядило судно в Персидский залив. Поездка закончилась полнейшей неудачей. Как только там появился пароход „Корнилов", обещавший устраивать регулярные рейсы в Европу за очень умеренные фрахты, английские пароходства реагировали на это понижением фрахта в Европу на 70%.

Вследствие этого, провоз тонны товаров от Басры и даже

от Бомбея до Лондона, стоивший до того времени 50 ш., стоит теперь только 15 ш.

Английские газеты в Бомбее и Калькутте приводили следующие сообщения об организации этого русского предприятия [1]:

„Россия начинает действовать энергичнее, чтобы укрепиться в Персидском заливе. Каждый пароход, направляющийся в Персидский залив, получает, сверх покрытия своих расходов при проезде через Суэцкий канал, субсидию в размере 50.000 рублей за каждый рейс. Русское Общество Пароходства и Торговли обязуется отправлять туда ежегодно 4 парохода, в числе них пароход „Корнилов" емкостью в 3.000 тонн и пароход „Трувор" емкостью в 2.500 тонн. Два новых, предназначенных специально для рейсов в Персидский залив судна еще строятся. Вместе с последними станет возможно совершать по одному рейсу в месяц на русских судах в Персидский залив. Русское Общество Пароходства и Торговли имеет корреспондентов во всех портах залива и двух постоянных агентов: одного в Басре, другого в Бушире. Каждый из этих агентов получает годовой оклад в 6250 р. и, сверх того, комиссионные в размере 5% с ввоза и вывоза. Каждое агентство имеет по секретарю, который получает 125 р. в месяц на всем готовом и, сверх того, еще $3^1/_2$% с оборота. Агенты заведуют выставкой всех русских изделий и являются одновременно представителями при заключении сделок на русские товары, как сахар, мука, стекло и пр. К их обязанностям относится, между прочим, информация русских фирм о роде и особенностях требуемых в Месопотамии, Персии и Аравии товаров. Далее, они обязаны посылать образчики этих товаров в Россию".

Русская конкуренция оказалась неудачной. С одной стороны, Англия сумела быстро принять предупредительные меры, против которых русские оказались бессильны; с другой сто-

[1]) По статье русского политика-востоковеда Н. Фиалковича в „Новом Экономисте" от 3/III 1917 г. Перепечатана в „Neue Orient" от 7/IV 1917 г.

роны, халатность русских и их ненадежность делали все, чтобы отпугнуть товары от русских судов. Пароходы прибывали в Персидский залив через очень неопределенные промежутки времени и нередко с большим опозданием. Русские купцы были не менее халатны и не оказывали необходимой поддержки.

Один известный агент, доставивший русским торговым фирмам массу различных сведений, не получил от них ни одного ответа. Кроме того, на некоторые русские товары назначались слишком высокие цены, напр., на муку. Конечно, она была лучше индийской муки, но персидские купцы не столько гнались за качеством, сколько за дешевизной. Поэтому русские суда грузили большей частью товары иностранного происхождения, что не давало простора русскому рынку.

Таким образом, Россия, как торговая величина, совершенно выключена из сферы Персидского залива. Торговая монополия находится там в руках бомбейских фирм, которые выписывают товары из Европы, перегружают их на английские суда и отправляют в Персидский залив. Вследствие этого европейские товары в портах Персидского залива повышаются в цене по сравнению с индийскими, по крайней мере, на 10%. После заключения мира придется, во всяком случае, считаться с новой конкуренцией Германии, Австрии, Турции и Франции.

Примут в ней участие также и Соединенные Штаты С. А., которые будут пытаться отправлять в Персию другие товары, взамен ускользающей от них возможности ввоза туда нефти.

На эту опасность обращает внимание русский знаток восточной политики Фиалкович, особенно в связи со вступлением Америки в войну. Характер исключительного господства Англии в Персидском заливе мог бы, вследствие этого, резко измениться. Фиалкович рекомендует поэтому Великобритании в своих собственных интересах держаться ближе к своим союзникам России и Франции в вопросе

экономического соглашения в Персидском заливе в дополнение к политическому соглашению с Францией от 1892 г. и с Россией от 1907 г. Так, напр., Франция, обладая превосходной гаванью Джибути на африканском берегу Красного моря, могла бы выстроить на противоположном аравийском побережье железную дорогу из Джедды через южную Аравию до Маската на Оманском берегу, в то время как Россия выстроила бы, с согласия Англии, железную дорогу от Тавриза до Казвина, Тегерана, Испагани, Шираза, Бендер-Аббаса, или из Испагани к Буширу, или, наконец, в третьем направлении—из Тегерана через Кирман до Чахбара и Гвадура, лежащего на персидском берегу против Омана. Таким образом, все три дружеских государства имели бы общие интересы в Персидском заливе и находились бы в тесном контакте между собой, что могло бы послужить гарантией против поползновений Соед. Штатов, которых можно ожидать в ближайшем будущем [1]).

Торговля России с Персией выразилась в 1913 г. в сумме 120.000.000 рубл., из которых 62 милл. р. пришлось на ввоз и 58 милл. на вывоз. Ввоз заключался, главным образом, в хлопчатобумажных товарах и сахаре, вывоз же—в хлопке, шерсти и др. сырье, фруктах, пряностях, рисе и т. д. Доля участия России в торговле с Пер-

---

[1]) России представляется, по Фиалковичу, „единственная возможность сухого торгового пути в южную Персию, Месопотамию и Аравию, при использовании рек. Безусловно необходимо выстроить железную дорогу от Энзели, гавани на персидском берегу Каспийского моря, до Тегерана (300 в.) и от Тегерана через Ханикин до Багдада (600 в.). Вся длина железной дороги равнялась бы 900 верстам, а водный путь по Волге и Каспийскому морю дал бы возможность русским товарам проникнуть до Багдада, не нарушая русско-английской конвенции от 18/31 авг. 1907 г. Из Багдада русские ввозные товары могли бы быть далее перегружаемы и доставляемы по Тигру и Шат-эль-Арабу до Басры, центра торговли европейскими товарами, доставлявшимися туда до сих пор через Суэц".

сией выражается в 62,7%, доля Англии — только в 20,9% [1]).

Во время войны цифры торгового оборота несколько уменьшились: ввоз в 1914 г. выразился в сумме 52,9 милл. р., вывоз—в 41,3 м. р. В 1915 г. цифры остались приблизительно на той же высоте.

[1]) Внешняя торговля Персии в 1912/13 г. выразилась, согласно сообщению английского консульства, в след. цифрах:

СТРАНА.	Ввоз ф. с.	Вывоз ф. с.	Всего ф. с.
Афганистан	79.266	44.423	123.689
Германия	388.869	53.244	442.113
Австро-Венгрия	146.225	10.303	156.528
Бельгия	144.160	7.418	151.578
Китай	14.353	63.164	77.517
Египет	10.754	28.616	39.370
Соединенные Штаты	17.221	115.900	133.121
Великобрит. (искл. Индию)	1.570.585	624.512	2.195.097
Индия	1.214.525	404.915	1.619.440
Великобритания с Индией	2.785.110	1.029.427	3.814.537
Франция со своими колониями включ. Индо-Китай	200.572	87.795	288.367
Греция	93	4.033	4.126
Италия	49.781	145.522	195.303
Нидерланды с колон. влад.	23.172	39.049	62.221
Россия	5.981.455	5.470.507	11.451.962
Испания	98	—	98
Швеция	10.301	24	10.325
Швейцария	18.789	2.333	21.122
Турция	425.248	689.579	1.114.827
Маскат	4.960	3.869	8.829
Оман	19.032	134.137	153.169
Все проч. страны	98	3.989	4.087
Итого	10.319.557	7.933 3?2	18.252.889

Из всей внешней торговли пришлось на:

	Ввоз %	Вывоз %
1908—09	53,3	46,7
1909—10	54,4	45,6
1910—11	56,3	43,7
1911—12	57,5	42,5
1912—13	56,5	43,5

В 1916 г. (отч. год от 21 марта 1915 г. до 20 марта 1916 г.), согласно данным бельгийского управления персидскими таможнями, ввоз из России выразился в 53.350.765 руб., вывоз туда — в 53.434.069 руб., в то время как Великобритания с Брит. Индией ввезли в Персию на 33.863 840 руб. и вывезли на 15.227.140 руб. Соед. Штаты ввезли в Персию на сумму 53.722 руб. и вывезли оттуда на 1.688.061 руб.

13. Соперничество Англии и России.

В настоящий момент уже при самом беглом обзоре всей английской политики в Персидском заливе становится ясно, что Англия в своем последовательном продвижении в различных частях этой области руководствовалась желанием сделать для Персии более безболезненным ее раздел, стремлением, по возможности, усыпить подозрения России. Оба государства в течение последнего столетия с крайним недоверием следили за каждым шагом соперника.

Прежде всего на сцену явились англичане. Уже несколько лет спустя после основания Ост-Индской компании (East India Company) они явились в 1612 г. в Персидский залив, где учредили факторию в Гомбруне. В 1622 г. они захватили с помощью персидских войск остров Ормуз (в то время сильную крепость), завоеванный португальцами под начальством Альбукерка больше ста лет назад (1515). Последние удержались, однако, в Маскате, находившемся в их руках уже с 1508 г., в полном сознании важности этой области, лежащей у входа в залив, для обладания Индией.

Напомним попутно, что уже римляне пытались взять под свое господство области Двуречья с Персидским заливом, однако без решительного успеха. Полководцы Августа находились в трехдневном расстоянии от „страны пряностей"; другие, будто бы, проникали на 1000 миль к югу от тропиков. Но жара и болезни заставили их отступить. Впоследствии Траян возобновил эту попытку. Победоносно спустился он по Тигру. Он был первый и последний из римлян, которому было суждено увидеть Персидский залив. Его флотилии победоносно причаливали к портам южной (назван-

ной „счастливой") Аравии. Однако римляне не сумели здесь удержаться надолго,— арабские племена вскоре восстановили свою независимость.

В течение многих последующих столетий ни одному иностранному завоевателю не удавалось овладеть на долгое время этой областью. Впервые с открытием морского пути в восточную Индию белые народы стали тут продвигаться с успехом.

Около середины XVIII столетия, когда между французами и англичанами происходила война за господство в Индии, первым удалось прогнать врага из Бендер-Аббаса,— так назывался с 1622 г. прежний Гомбрун,—что заставило англичан перенести свою факторию в Бушир. В то же время французы завязали сношения с арабским государством Оман, распространившим свою власть к началу XIX столетия не только на Персидский залив, но и далеко на юг по восточно-африканскому побережью.

Англия со злобой преследовала это государство и воспользовалась, непосредственно перед восстанием в Индии, смертью тогдашнего султана (1856), чтобы под видом посредничества между двумя сыновьями умершего провести разделение государства на два самостоятельные султаната—Оман и Занзибар; за посредничество она потребовала себе единственную пригодную гавань острова Кишм при входе в Персидский залив—Базиду, при чем остальная часть острова отошла к Персии.

Со времен Петра Великого также и Россия стала наступать на Персию. Правда, первые попытки ее кончились неудачей, не запугавшей, однако, на долгое время русского медведя, хотя он и порядком обжег себе пальцы на этом.

Когда русские заняли ряд стран, расположенных по южному склону Кавказского хребта, и прежде всего Грузию, окончательно присоединенную в 1801 г., то второй персидский шах из дома Каджаров, вступивший на трон в 1794 г., обратился за поддержкой к Англии. Последняя обещала свою помощь, но поставила невероятные условия: шах должен был уничтожить афганские межевые знаки успокоить афганцев и всячески препятствовать попытке

французских войск укрепиться „на одном из берегов“ Персидского залива. Но это еще не все: Персия должна была уступить все побережье, дать Англии разрешение на укрепление Бендер-Бушира, выплатить громадную контрибуцию, передать Англии Персидские острова и вручить ей верховное командование над персидскими войсками. В качестве единственной услуги Персии взамен этого Англия предложила доставку военного снаряжения.

Само собою понятно, что шах — вне себя от этой наглости — отверг поставленные ему условия и обратился в 1802 г. с письмом к Наполеону, завоевания которого в Италии и Египте навели его на мысль использовать союз с ним выгодным для себя образом. Корсиканец, в восторге от перспективы заручиться опорным пунктом на Востоке, немедля отправил миссию в Персию. Однако разразившиеся в Европе события помешали проведению его планов на Востоке.

Это дало возможность России одержать в 1804 г. ряд побед над Персией, которая, однако, следуя советам Англии, не торопилась заключать мир. Англии же война эта нужна была потому, что она мешала Наполеону привести в исполнение его планы в Индии.

Занятие русскими гор. Баку в 1806 г. заставило шаха Фетх-Али отправить во Францию уполномоченного для заключения прочного договора с Наполеоном, 4-го мая 1807 г. он был подписан. В нем шах брал на себя обязательство немедленно после его ратификации порвать все политические и торговые сношения с Англией и объявить ей войну. В случае заключения союза между Англией и Россией, направленного против Франции и Персии, оба эти государства обязывались совместно воевать с общим врагом. Шах обещал также использовать весь свой авторитет для того, чтобы поднять против Англии афганцев и другие народности Кандагара и вместе с ними проникнуть в глубь Индии. В случае принятия Наполеоном решения отправить свою армию сухим путем в Индию шах обязывался пропустить ее через свою страну, снабжать ее на всем пути следования продовольствием и присоединить свои войска к французским. Все порты Персидского залива должны были быть

открыты для принятия французского флота. Взамен этого Наполеон гарантировал Персии полную целость ее владений.

Однако походу на Индию не суждено было осуществиться, и Персия была вынуждена искать другой поддержки для противодействия захватным стремлениям русских. Англия повторно предлагала свои услуги для этой цели. В 1809 г. она обещала Персии денежную субсидию, если она запрет для всех держав проход в Индию. Тем не менее, Россия, согласно миру, заключенному в 1813 г., сохранила за собой все завоевания и сделалась хозяином Каспийского моря.

Вскоре повторилась та же игра. В 1814 г. Англия снова обещала Персии, чтобы отдалить от нее Россию, денежную субсидию и обещала ей помощь в случае посягательства на нее какого-нибудь другого государства, вызванного не по собственной ее вине. Когда же Россия в 1825 г. заняла в Персии Гокчу, Англия отказала в помощи под тем пустым предлогом, что Гокча необитаема.

* * *

Нет надобности останавливаться здесь на истории соперничества между Россией и Англией из-за Персидского залива в течение всего XIX столетия. Приведенные факты, характерные для этого соперничества, постоянно повторялись и впоследствии в той или иной форме. Англия выступает то другом Персии, то ее врагом; в каждом из этих случаев она стремится не дать другой стране возможности укрепиться в Персии и самой по возможности расширить свое влияние и свою территорию.

Англичане пытались распространить свое влияние и на лежащую за Персидским заливом область. В 1789 г. они учредили консульство в Багдаде. Около 1820 г. последнему удалось приобрести значительный вес. Вскоре за тем стали строиться планы о том, чтобы сначала почта, а затем и наиболее ценная часть товарного сообщения Англии с Индией шли не вокруг мыса Доброй Надежды, а через Суэцкий пролив и Красное море или через Месопотамию и Персидский залив, Большое внимание обратило

на себя то, что главноначальствующий войсками в Бомбее сэр Майльс Найтонгал сложил в 1819 г. свои полномочия и вернулся со своей супругой в Англию по пути через Красное море и Суэцкий канал. Четыре года спустя губернатор Бомбея Мауну Стюарт Эльфинстон предложил ввести пароходное сообщение между Суэцом и Англией, которое имело бы то преимущество, что на все путешествие, включая и все остановки, понадобилось бы 34 дня.

Однако, директора Ост-Индской Компании не откликнулись на это предложение. Также и в 1826 г., когда оно им было повторено, они его обошли молчанием. Тем не менее, случаи использования служащими и офицерами пути в Индию через Суэцкий канал стали все более учащаться, как и голоса, настаивающие на закреплении для сообщения с Индией этого пути. Наконец, в 1829 г. India Board of Control внесло английскому правительству предложение создать более быстрое сообщение между Великобританией и Индией по суше, а именно через Алеппо. В 1830 г. по этому вопросу состоялась обширная переписка между морским управлением бомбейского правительства и директорами Ост-Индской Компании в Лондоне. Последние находили более целесообразным, хотя они вообще мало симпатизировали всему этому плану, создать сообщение через Персидский залив и Евфрат. В 1834 г. специальная комиссия парламента была занята рассмотрением этого вопроса, но не могла притти к определенному решению относительно того, какой из двух путей лучше.

Весьма поучительно, что многие специалисты этой комиссии высказались определенно в том смысле, что по политическим соображениям нужно предпочесть путь через Персидский залив, потому что это будет служить препятствием России укрепиться поблизости. Установление этого сообщения „сделало бы более реальными наши интересы и дало бы нам право действия“,—сказал один из них в своей речи. „Русские,—продолжал он,—как давно уже можно думать, имеют виды на Багдад; они с давних пор уже имеют там своих агентов. Баг-

дадский пашалык—очень ценная собственность и вполне окупила бы наш или русский протекторат".

В 1835 г. было создано сперва сообщение через Суэц и Красное море, а одновременно был более подробно исследован полковником Френсисом Чесней евфратский путь; Чесней написал о нем подробный труд, снабженный картами, за который он получил особое вознаграждение в размере 4.000 ф. ст.[1]). Тигр был исследован до своих верховьев Генри Б. Линчем в 1838—39 г. Оба исследования показали, что сообщение через обл. Двуречья представляет значительно больше трудностей, вследствие чего было оставлено прежнее сообщение через Красное море.

Несмотря на это, Англия уже тогда достигла фактического господства в Персидском заливе, благодаря предпринятой борьбе с морскими пиратами, которые неприятным образом давали знать о себе у берегов. Это обстоятельство послужило для Англии естественным поводом для частых военно-морских экспедиций в Персидский залив, и англо-индийское правительство воспользовалось им для заключения с различными арабскими племенами договоров, касающихся прежде всего уничтожения морского бандитизма. На территориальных компенсациях Англия тогда еще не настаивала; ей казалось более целесообразным не вмешиваться во внутренние распри отдельных племен и ограничиться только охраной моря.

*
* *

Но и русские не бездействовали. В 1834 г. они уже носились с мыслью о создании в Басре базы для флота и постройке там верфи, что вызвало немало толков в Лондоне.

---

[1]) Его экспедиция по Евфрату состоялась в 1835—37 г. г. Он советовал, между прочим, пробуждать финансовые интересы туземцев к вкладываемым в торговые и технические предприятия капиталам. Его совету в наши дни последовало Англо-Персидск. Нефт. Общ., обещавшее не только персидскому правительству 16% чист. годов. дохода, но и бахтиарским главарям 3% акций каждого организуемого в их стране предприятия и 3000 ф. ст. ежегодно,—по тамошним представлениям, огромная сумма.

В течение следующих десятилетий Россия давала себя меньше чувствовать в Персидском заливе,—у нее оказалось достаточно забот в других местах и у себя дома.

* * *

В 1883 г. Англия еще раз обнаружила свои планы. В султанате Оман, в котором Англия еще в 1856 г. (см. выше) выступила с удачным „посредничеством", произошло новое восстание, которое было подавлено при помощи пушек английского военного крейсера „Филомель". Так была упрочена власть султана, и одновременно усилено английское влияние при его дворе в ущерб французскому.

С 1887 г. с особой энергией при персидском дворе выступал сэр Генри Друммонд Вольф, преследовавший, главным образом, цель открытия доступа иностранному и, прежде всего, английскому капиталу и торговле.

Ему удалось уговорить правительство впервые выдать иностранному предприятию концессию на разработку нефтяных залежей.

Она была выдана „Persian Bank Mining Rights Corporation, Ltd", основанному „Imperial Bank of Persia" для эксплоатации минеральных богатств Персии и располагающему капиталом в 1 милл. ф. ст.

Это общество предприняло бурение близ Далики и на острове Кишме, однако без особого успеха. Им были также начаты работы по бурению в Кенд-и-Ширине в Казр-и-Ширинском округе. В 1894 г. оно было ликвидировано за неимением средств для выполнения поставленных себе задач.

В 1895 году произошел конфликт по вопросу ловли жемчуга между подданными одного арабского шейха с шейхом Бахрейна, второго по величине острова Персидского залива. Здесь опять вмешались англичане, „выручив из беды" шейха Аиссу и взяв под свое покровительство принадлежавший до тех пор к территории султаната Оман остров Бахрейн. Таким образом, они прибрали к своим рукам все острова Персидского залива.

* * *

Около 1900 года внимание великих держав было опять привлечено к этой области. Русские зашевелились в центральной Азии. Они пытались проникнуть и в Персию, когда в 1899 году было заключено предварительное соглашение между Анатолийским Обществом железных дорог и турецким правительством о постройке ветви Кония—Багдад—Басра.

Англия ответила на это захватом, при помощи подставного лица, Ковейта, который она тщетно пыталась захватить еще в 1820 году. Заключенный в 1899 году с ковейтским шейхом договор был первым служебным актом тогдашнего вице-короля Индии лорда Керзона.

Когда в марте 1903 года договор между Анатолийским Обществом ж. д. и Турцией был окончательно оформлен, лорд Керзон предпринял путешествие к Персидскому заливу. Англия была первым из всех европейских государств, проявившим себя там в XX веке. Правда, в то время еще не нефть служила приманкой для Англии. Но продвижение России, давно уже имевшей виды на Персидский залив, заставило английских государственных деятелей приложить здесь все силы, чтобы укрепиться на обеих сторонах этого важного по своему значению залива, чтобы вставить, таким образом, палку в колеса противника.

Для этой цели был подкуплен английским золотом вахабитский эмир, разбивший ковейтского султана и захвативший в свои руки этот важный порт на южном берегу.

Английские планы на южном, следовательно, на аравийском, берегу залива осуществлялись благополучно, в то время как на северном побережье, следовательно, на персидской территории, по началу было достигнуто немного. Властному Керзону пришлось пережить унижение получить от градоправителя Бушира отказ на приглашение посетить его судно. Однако, чего не было, то должно было случиться. Англичане знали по опыту, как следовало поступать в таких случаях: фирме Линч и К° в Багдаде было поручено раздать лурам и бахтиарам 50.000 винтовок, чтобы

расположить эти дикие горные племена в пользу Англии и ее планов. Одновременно общество Линч и К° проложило шоссе от Ахваса до Испагани через Пуштику, не используемое караванами, но необходимое для транспорта пушек.

5 мая 1903 года лорд Ленсдаун, английский министр иностранных дел, сказал в палате лордов, что Англия ни под каким видом не должна позволить, чтобы какое-нибудь иностранное государство, располагающее военным флотом, создало себе базу для флота или вообще какое-нибудь положение в Персидском заливе. „Ясно, что мы должны будем воспротивиться этому, пустив в ход все имеющиеся в нашем распоряжении средства". Англия требует в Персидском заливе, как и в прилегающих странах, права преимущественного положения, что, однако, по заверению министра, не относится к вопросу о международной торговле в Персидском заливе. Он одновременно упомянул, что вся морская торговля выражается там в 3.000.000 ф. ст., из которых 2.300 000 ф. ст. падают на долю Англии, и что таким образом Англия идет там впереди других стран.

С этих пор Персия, а также и Месопотамия были опутаны сетью английских консульств, представленных повсеместно лицами, состоящими на индийской военной службе, и снабжена везде, где это было возможно, „охраной". Россия последовала этому примеру. Германия же до войны имела в Багдаде и Бушире только консульства, тогда как обе другие державы были там представлены генеральными консульствами.

С начала текущего столетия Россия также стала оказывать более сильное давление на Персию. Она хотела заполучить Бендер-Аббас или какой-либо другой порт в Персидском заливе, чтобы сделать его „Владивостоком Индийского океана".

Одесское пароходство Русское О-во Пароходства и Торговли установило пароходное сообщение с Персидским заливом; Гамбурго-Американская линия сделала то же только в 1906 году.

Трудно понять, почему во время англо-бурской войны ни Россия, ни Германия не взяли себе концессий на персидскую нефть, и почему они остались спокойными свидетелями того, что подобная концессия была дана Англии. Это случилось в 1901 году, когда австралийский финансист В. К. д'Арси приобрел в собственность с помощью английского посланника Друммонда Вольфа нефтяную концессию ликвидированного „Persian Bank Mining Rights Corporation, Ltd". Концессия охватывала 3/4 всей Персии.

Обе первые скважины, устроенные предпринимателем, обошлись в 250.000 ф. ст. и не дали никакого существенного результата. Препятствием служили также и трудности, сопряженные с перевозкой нефти. С целью их устранения д'Арси проектировал устройство трубопровода от Казр-и-Ширина до Багдада, выгодного, вследствие незначительной длины (110 анг. миль = ок. 176 км.), но проходящего по турецкой территории, что могло вызвать политические осложнения с Турцией, или—устройство другого трубопровода на персидской земле до Мохаммеры, значительно большей длины (360 анг. миль = ок. 576 км.), который должен был бы быть проведен по высоким горам неспокойной провинции Луристан.

Поэтому д'Арси предпочел предпринять новое бурение в прилежащих к морю областях. Последнее было начато на реке Карун, близ Ахваса, учрежденным в 1903 году обществом „First Exploitation C°", имевшим 600.000 ф. ст. номинального капитала, которое, однако, в мае 1905 передало свои права „Concessions Syndicate, Ltd". Из 100.000 ф. ст. основного капитала этого общества, покрытого полностью, 94.966 ф. ст. составляло взнос „Burmah Oil C°, Ltd", отправившего уже в 1907 году своего геолога в Персию для исследования источников Майдан-и-Нафтуна и Шардина. В 1908 году в двух местах, на незначительном расстоянии от реки Карун, удалось провести две буровые скважины, что дало возможность выдать уже в том же году дивиденд в 19%, упавший, однако, к 1912 году до 5%.

Особенно быстро пошло продвижение Англии на юге и России в северной части страны с тех пор, как в 1905 —

1907 гг. последовало соглашение между обеими державами, направленное явным образом против Германии. В октябре 1905 г. бельгийский посланник в Берлине барон Грейндль сообщал своему правительству: „Англия совершенно отказывается от какого-либо участия в судьбе Турции, сохранение которой так долго составляло основу ее политики. Она могла бы предоставить полную свободу действий России в Малой Азии. Такая группировка имела бы в ее глазах еще и ту выгоду, что она вызвала бы порчу отношений между Россией и Германией, изолирование же Германии является в данный момент главной целью английской политики".

18/31 августа 1907 года было заключено пресловутое соглашение, вызвавшее резкую критику со стороны части английской прессы, между Россией и Англией, в котором лицемерно говорится, что обе страны обязуются „оберегать неделимость и независимость Персии, и так как оба государства искренно желают поддержания порядка в этой стране и ее мирного развития, признавать предоставление одинаковых преимуществ в торговле и промышленности для всех наций".

Фактически договор представлял собою не что иное, как раздел страны, прикрытый красивыми словами.

Вследствие этого, Персия оказалась разделенной на три зоны из которых северная, с площадью в 790.000 кв. км., подпала под русское влияние; она начинается к востоку от Мешхеда, у границы Закаспийской области, тянется по прямой линии на юго-запад до Иезда и поворачивает потом к северо-востоку, направляясь через Испагань, Хоремабад и Керманшах к турецкой границе. Англия же, на долю которой выпал юг, получила только 356.000 кв. км., следовательно, меньше половины области, полученной Россией для эксплоатации. Однако английский участок, который должен был быть отделен от русского, как известно, нейтральной зоной с площадью в 499.000 кв. км.[1]), значительно ценнее. Он простирается от Томан-Ага на запад до Баистана и идет

[1]) Общая площадь Персии равняется прибл. 1.645.000 кв. км.

потом в южном направлении через Кирман до Бендер-Аббаса у Персидского залива.

Истинный смысл договора заключался для Англии в том, чтобы окончательно выбросить Россию из Персидского залива. Персидские порты попали, таким образом, всецело в руки Англии. Правда, Германия, Австрия, Франция и Турция могли еще заявить свои претензии. Войной 1914—1917 г. Англия выключила из Персидского залива три враждебных страны, так что остается одна только Франция,—одна союзная Франция, которая вынуждена подчиниться каждому приказу Англии вне Европы. Теоретически она заявляет еще претензии на побережье Омана, основываясь на договоре, заключенном в 1862 г. Как было упомянуто выше, в султанате Оман вспыхнула революция, в которую вмешались как Англия, так и Франция. Тогдашний вице-король Индии лорд Каннинг предложил соперничающим между собой шейхам свое посредничество, в то время как Наполеон III, выставлявший себя богом-покровителем Турции, поддерживал ее претензии на Аравию. Так как султан Абдул-Азис обратился за помощью к Наполеону, последний отправил туда и одновременно в Оман экспедиционный корпус под начальством Пальгрева. Это вызвало в Англии сильное негодование, и потому с радостью был встречен договор с Францией, заключенный вскоре после того. В силу его обе державы обязались отказаться от всяких территориальных приобретений в султанате Оман.

Англии, несмотря на это, удалось получить по новому договору один из Бахрейнских островов в южной части Персидского залива. Также и в северной части залива она вошла в соглашение с шейхом Ковейта, предоставившим ей протекторат над этой областью. Об этом маленьком княжестве, лежащем у Персидского залива южнее устья Евфрата, никогда раньше не упоминалось. Англия, „защитница малых национальностей“, сделала неожиданное открытие, что султан вовсе не подчинен Турции, как суверенному государству, но является вполне самостоятельным управителем своего государства, и завязала с ним политическую интригу,

возымевшую желанный успех. Правда, турецкому правительству удалось подавить поднятое султаном в 1906 г., при любезном содействии англо-индийского правительства восстание с помощью Пертеф-паши, получившего свое военное образование под руководством Гезелера. Однако Англия все же вмешалась и, снабдив предварительно ковейтского султана оружием и снаряжением, потребовала, чтобы Турция признала „независимость" этой страны. Вся суть заключалась в том, что на территории Ковейта находится лучший порт Персидского залива, и что он ни под каким видом не должен был быть использован для „немецкой" Багдадской жел. дороги.

* * *

Царская империя рассчитывала на то, что ей удастся, уступив на юге, добиться больших результатов на севере. В 1909 г. она насильственно вмешалась в персидскую гражданскую войну. 26 апреля значительные военные силы царя оккупировали Тавриз. Ими ставилось себе в заслугу то обстоятельство, что, благодаря этому занятию, удалось, якобы, предотвратить большую бойню и вновь открыть город для торговли. Одновременно русские войска вступили в Хоросан, где они также силою оружия достигли своих целей.

В какой мере оправдаются надежды России на северную Персию,—покажет будущее. Быть-может, принимая во внимание то обстоятельство, что ее торговля в Персидском заливе была очень незначительна, она немного потеряла, признав соглашением 1907 г. особую заинтересованность Англии в Персидском заливе, представляющую, по ее уверению, „результат работы Великобритании в этих водах в течение более ста лет".

Нельзя также обойти молчанием и то обстоятельство, что в силу этого соглашения нефтяные залежи „Burmah Oil C⁰, Ltd" были отнесены к нейтральной зоне. Но все-таки данная д'Арси 28 мая 1901 г. концессия сроком на 60 лет как бы исключала всякую возможность вмешательства сюда России или какого-либо другого государства. Поэтому 4 апр.

1909 г., когда появилось на свет Англо-Персидское Нефтяное Общество, оказалось возможным совершенно спокойно приняться за эксплоатацию этих привилегий. Заключительным аккордом явилось вступление английского государства в качестве главного акционера в это предприятие в 1914 г.

Утверждают, что особой заслугой Страткоды является то обстоятельство, что предприятие это осталось в английских руках до того момента, когда английское правительство договором от 20 мая 1914 г. укрепило за собой преимущественное влияние в предприятии, благодаря своему участию в размере свыше 2 милл. ф. ст. Это дало возможность значительно развить дело и сбывать на очень выгодных для общества условиях почти всю добычу нефти английскому флоту.

* * *

Договор английского правительства с Англо-Персидским Нефтяным Обществом не раз сравнивался с покупкой Дизраэли акций Суэцкого канала в 1876 г. В обоих случаях государство, отбросив в сторону все сомнения, вложило большую сумму, чтобы взять предприятие, которое могло политически влиять на мировые интересы Англии и сулило к тому же большие выгоды,—взять, правда, не в полную собственность, но в такой мере, которая обеспечивала ему преобладающее влияние в нем (как поступают обыкновенно северо-американские тресты).

За два года до вступления Англии пайщиком в Англо-Персидское Общество сэр Эдуард Грей в большой речи (10/VII 1912 г.) в нижней палате сказал, что он стремится к тому, чтобы сохранить status quo в Персидском заливе. Такого рода декларации в устах английских государственных людей всегда кажутся подозрительными. Ведь, и в 1906 г. был, по английским понятиям, status quo, давший Англии, благодаря энергичному нажиму на Турцию, право на обладание Синайским полуостровом. Достаточно было пригрозить демонстрацией флота в Босфоре, чтобы заставить Турцию отозвать свои войска с того пункта, который желала занять Англия, и который считался до тех пор принадлежащим Турции или Египту.

В 1912 г. Англия разыграла совершенно ту же комедию, на этот раз у берегов Персидского залива. Она вдруг обнаружила, что некоторые береговые полосы той области, которые рассматривались до тех пор во всем мире как турецкие владения, не принадлежат ни Турции, ни Персии, и что они, благодаря особому положению, занимаемому Англией в Персидском заливе, подчиняются ее решениям. Персидский залив, якобы, является „частью морской границы Индии". Таким образом, возникла теория, гласившая, что Англия нуждается для военной безопасности Индии в таком обширном крепостном районе, в который входили бы и порты Персидского залива.

Англия уже в течение многих лет подготовляла этот шаг. Турки были вынуждены однажды открыто заявить свой протест, потому что английские суда при измерениях в Персидском заливе (вблизи аравийского берега и Бахрейнских островов) нарушили суверенные права Турции. Постройка Багдадской железной дороги Германией была силой приостановлена Англией, не допустившей ее до Персидского залива. Однако, чтобы не навлечь на себя еще одного врага, движимого завистью, в лице России, последней была предоставлена в северной Персии полная свобода действий, что стояло в резком противоречии с английской политикой в течение последних 100 лет.

* * *

Таким образом, привилась та политика удушения, против которой тщетно восставали персидские патриоты, перед которой должен был отступить даже и проникнутый желанием добра Персии американец Морган Шустер, бывший с мая 1911 г. до января 1912 г. персидским генеральным казначеем. Англия и Россия вздохнули спокойно, когда этот способный, энергичный и хорошо знакомый с условиями страны человек был насильно устранен со своего поста. Энергично начатые реформы внутри страны, которые могли бы спасти Персию от политического и экономического закрепощения со стороны наступающих на нее

с севера и с юга империалистических государств, были этим приостановлены. Ведь, главной задачей Шустера было упорядочить персидский б ю д ж е т. Националисты, которым удалось добиться провозглашения конституции и смещения шаха Мохаммед-Али—орудия русской политики, ясно поняли необходимость такой независимой финансовой политики. Поэтому Персия сделала попытку в 1910 г. выпустить внутренний заем, чтобы не отдаться в руки Англии или России. Однако опыт не удался, и в октябре 1910 г. пришлось все-таки принять английское предложение, потребовав взамен таможенные доходы Персидского залива. В дальнейшем рассчитывалось что Шустеру удастся вывести Персию из затруднительного положения. Но Великобритания и Россия заставили персидское правительство устранить Шустера, потому что они не желали иметь дело с человеком, соблюдавшим интересы Персии.

Благодаря всем этим мероприятиям, Англии удалось так крепко прижать Персию к стене, что эксплоатация персидской нефти кажется только венцом этого строго продуманного плана. Р о с с и и не удалось добиться столь же значительных результатов, хотя она и была до 1910 года в более выгодном положении по сравнению с Англией.

Так ей удалось еще в 1900 году навязать Персии 5% з а е м в размере $22\frac{1}{2}$ миллионов рублей со сроком погашения в 75 лет. Англия допустила тогда большую ошибку: когда персидское правительство обратилось к английским финансовым кругам, с которыми оно более охотно пошло бы на сделку, так как оно больше боялось политического и военного, финансового и экономического наступления России, то с него потребовали в виде залога персидские таможенные сборы. Россия была в достаточной мере хитра, чтобы отказаться от этого, так как она рассчитывала на то, что самый факт займа в о в с е х с л у ч а я х должен будет привести к тому, что Персия станет в зависимость от кредитора. И действительно, уже в 1902 году последовал второй заем, на этот раз в 12 милл. рублей, благодаря чему Персия еще больше стала в зависимость от России. Мудрая уступчивость России при заключении первого

займа была уже заранее вознаграждена: 27 октября 1901 г. Персия заключила с Россией очень выгодный для последней таможенный договор, сильно затруднивший конкуренцию других стран и закрепивший экономическую зависимость страны от России.

31 августа 1907 г. последовало петербургское соглашение, координировавшее политику Англии и России в Передней Азии. С этого момента Персия попала в руки этих двух держав, беззастенчиво использовавших свое превосходство, чтобы поставить ее на колени. Финансовые тиски, в которые она попала благодаря этим займам, действовали совершенно произвольно. Доходы Персии зависят большей частью от внешних таможенных сборов. Европейская война имела для нее в этом отношении самые тяжелые последствия: так как благодаря ей страна оказалась совершенно отрезанной от внешнего мира, то таможенные сборы пали так низко, что о правильной выплате процентов по займу нечего было и думать. Смешанная финансовая комиссия, которая была образована по „просьбе“ персидского правительства, другими словами, навязана ему Россией и Англией, находится всецело в руках советников, представляющих эти страны в комиссии. Вероятно, персидское правительство уступило требованию этих советников, когда оно в течение последних месяцев дало нефтяные концессии России в северной Персии.

Дружеская услуга Англии со стороны России заключается в том, что последняя предоставила ей полную свободу действий на юго-западе и в Месопотамии. Даже наиболее империалистически настроенные политические круги царской монархии стоят за то, чтобы дать возможность Англии захватить столько, сколько окажется возможным, в пределах Месопотамии и Аравии. Некоторым либеральным газетам Англии, как, например, „Manchester Guardian“, внушает сильные подозрения то обстоятельство, что их русские друзья-либералы, во главе с Милюковым, дают такой простор Англии, правда, под условием, что Россия получит

северную Персию, Константинополь и некоторые другие, мало существенные территории.

14. Будущие задачи Турции.

Турция в союзе с центральными державами сумеет уберечь себя от подобной участи, иначе ей грозила бы серьезная опасность не только в политическом отношении: она знает теперь, каковы были бы для нее и экономические последствия.

Недостаток в топливе сильно отражался на ходе военных действий; цены на топливо возросли до неимоверных размеров. Это заставило правительство обратить внимание на имеющиеся в пределах Турции нефтяные залежи, ждущие разработки, и на нелепость того положения, что Турция являлась хорошим рынком сбыта для иностранной нефти. Главным поставщиком ее была Россия, но с ней сильно конкурировала „Standard Oil C⁰", стремившаяся к тому, чтобы вытеснить русскую нефть с турецкого рынка; ввозилась также галицийская и румынская нефть. Иностранная нефть проникла даже в местности, расположенные около Персидского залива, при чем ввоз ее за несколько лет до войны еще увеличился, вследствие ощущавшегося там недостатка в ней; только в последние годы ввоз иностранной нефти был вытеснен нефтью Англо-Персидского Общества.

Если турецкое правительство поведет разумную экономическую политику в вопросе эксплоатации месопотамской нефти, то ею оказалось бы возможным снабжать прилегающую область, а в дальнейшем и прочие области Турции, если вследствие дороговизны эксплоатации и транспорта этому не помешает конкуренция американской, русской и румынской нефти в более отдаленных областях Турции (Константинополь). Далее, в области Двуречья и в Малой Азии Турции придется считаться с конкуренцией англо-персидской нефти, если концессия, — чего приходится опасаться, — останется в руках Англо-Персидского Общества, следовательно, английского государства. Возможность сбыта, во всяком случае, более чем достаточна для осветительных

целей и для варки, для железных дорог и речных пароходов, для океанских пароходов и для экспорта.

Наиболее важным из всего этого является поставка нефти железным дорогам. Железнодорожные линии все без исключения проходят по местностям, в которых уголь не встречается. Поэтому для них является вопросом первостепенной важности снабжение их дешовым топливом. Потому, как только была проложена Багдадская железная дорога, было предпринято геологическое обследование местности, при чем особое внимание было уделено нефти. Особенно имелась в виду разработка нефтяных залежей, проектировавшаяся при постройке веток в Ханикин, Мендели и Хит, чтобы использовать добываемую нефть для эксплоатации железных дорог. То же относится и к Гаярским нефтяным залежам у Тигра, которые пересекаются Багдадской дорогой во всю длину.

Между прочим, нет никакого сомнения в том, что в пределах Турции и в других местах еще имеются значительные месторождения нефти.

Было бы очень печально, если бы их эксплоатация была передана обществам, в которых турецкое государство не играло бы руководящей роли. Телеграфное агентство Вольфа сообщило из Константинополя от 9 мая 1916 г.: по газетным сведениям, министерство торговли дало „Standard Oil C°“ право на исследование нефтяных залежей Сирии, где, будто бы, расположен обширный нефтяной бассейн. Там, особенно близ Эль-Мокрима, в 125 км. расстояния от Хайфы, уже предпринято бурение одним туземным обществом, при поддержке иностранного, главным образом, английского капитала. Однако война, будто бы, приостановила эти работы. Нет никакого сомнения, что Турция, особенно после тяжелых жертв войны, должна будет сама приняться за государственную эксплоатацию своей нефти.

Приходится сожалеть о пассивности, проявленной до последнего времени немецким крупным капиталом. Из опыта как мексиканской, так равно и турецкой нефти мы видим, что капитал других стран выказал значительно больший интерес к нефти, чем наш. Я помню,

что незадолго до войны германский посол в Мексике фон-Хинтце выговорил себе право эксплоатации обширных нефтяных участков в северной части страны, но был вынужден отказаться от него, не получив поддержки со стороны немецких капиталистов.

То же случилось и в Месопотамии. „Deutsche Bank" отказался от использования своей привилегии на получение от Турции концессии на эксплоатацию месопотамской нефти; 80% прибыли должны были отчисляться „Deutsche Bank", 10% Анатолийскому О-ву железных дорог, 10%—турецкой казне. Правда, отправленная „Deutsche Bank" в 1905 г. в Месопотамию комиссия для обследования нефтяных залежей представила очень неблагоприятный доклад: по ее мнению, нефть залегает там не в широких слоях, как в Баку, но выступает только локально и в незначительных количествах.

Англичане и американцы оказались умнее. Первые, опираясь на особенно дружеское расположение к Англии великого визиря Киамиля, сумели получить привилегии, с которыми „Deutsche Bank", когда он в 1914 г., наконец, все-таки решил принять участие в эксплоатации месопотамской нефти, пришлось очень серьезно посчитаться. Причиной такой перемены решения банка послужило, помимо исключительного успеха, достигнутого Англо-Персидским Нефтяным Обществом, еще и то обстоятельство, что северо-американский нефтяной синдикат изо всех сил стремился к тому, чтобы твердой ногой стать в Месопотамии, проектируя и там заняться эксплоатацией собственных залежей. „Standard Oil C°" несколько раз пыталась провести свой план после свержения старого турецкого правительства. Частью он проводился под видом железнодорожных проектов в восточной Анатолии, при чем американцы требовали, взамен обычно испрашиваемой гарантии в размере нескольких километров, права эксплоатации минеральных богатств по обе стороны железнодорожного пути. В другой раз они выступили еще более откровенно: во время Балканской войны 1913 года Турции был предложен заем в 12½ милл. франков и участие в годовой прибыли взамен исключительной монопо-

лии эксплоатации и продажи нефти. Турецкое правительство разумно отклонило этот заем.

* * *

Добываемая в Месопотамии нефть будет, прежде всего, обслуживать спрос самой страны и Малой Азии, однако, может-быть, она будет принята во внимание и для экспорта. Насколько она в этом отношении сможет конкурировать с персидской нефтью,—зависит от стольких экономических, политических и транспортных вопросов, что высказаться сейчас на этот счет является очень затруднительным. Если бы Турции удалось приобрести часть южной Персии, то ее экспортные возможности возросли бы в значительной степени. Как турецкий, так и германский военный и торговый флот могли бы извлечь из этого пользу. Непременным условием для этого была бы прокладка трубопровода, примерно, до Басры и Александретты. О том, что вывоз нефти морским путем далеко на восток был бы вполне осуществим, уже упоминалось выше.

Однако Османское государство сумеет извлечь для себя большую выгоду только в том случае, если оно решится ввести монополию. При этом остается открытым вопрос, должна ли будет эта государственная монополия распространиться только на продажу или также и на добычу нефти. Против последнего говорит, прежде всего, финансовый риск, связанный с бурением. Во-вторых, препятствием будет служить и тяжеловесность государственного ведения предприятия. Меньше сомнений вызывает проект введения продажной монополии в форме акцизной монополии. До сих пор Османское государство почти целиком снабжалось осветительным маслом из-за границы. Кроме России и Америки, в этом принимала участие и Румыния. Годовое потребление выражается в 135 тыс. тонн; таким образом, уплывали за границу значительные суммы.

Шефер настойчиво рекомендует монополию, охватывающую полностью покупку и в ограниченном размере продажу. „Мы рекомендуем, как образец, сербскую

нефтяную монополию, тогда как греческая нефтяная монополия является отрицательным примером. В Сербии государственное монопольное управление взяло в руки всю покупку нефти и только оптовую продажу ее, установив на нее твердую оптово-рыночную цену. Перепродажу же отдало мелким торговцам и этим последним оно предоставило полную свободу действия; таким образом им представлялась возможность совершенно приспособляться к местным потребностям потребителя, при чем надбавка (10—25 сантимов на литр) на оптовую цену (в Белграде 0,55 франка за литр), назначенную монопольным управлением, варьировалась в зависимости от того, имелся ли в виду какой-нибудь большой город с нефтяным складом или более отдаленные окраины, где принимались в расчет специальные транспортные издержки. Во всяком случае, в виду свободной конкуренции, она колебалась в разумных пределах, так что можно было констатировать, не в пример Греции, увеличение потребления нефти в связи с увеличением населения".

Будет ли введена нефтяная монополия в том или ином виде, — решающим моментом является осознание ее и желание ее провести. На государственных финансах это отразится и прямо, и косвенно. Выдающееся значение для Турции имело бы использование нефтяных богатств страны в применении к народному хозяйству. Снабжение населения керосином и бензином, а железных дорог и речных пароходов нефтью, является лишь одной стороной задачи. Нельзя в достаточной мере оценить, напр., значение новых путей сообщения для развития экономического благосостояния страны. Какое бы большое значение имело, напр., соединение Багдадской жел. дороги, когда она будет отстроена, при помощи боковых веток с областями, пригодными для разведения хлопка или пшеницы, что позволило бы эти области при наличии дешевого транспорта приобщить к мировому хозяйству!

Даже самая идея проведения трубопровода от месопотамских нефтяных залежей до Средиземного моря не кажется слишком смелой. Затраченные расходы, как бы они ни были велики, безусловно оправдаются

уже в течение нескольких первых лет, особенно, если при расчете прибыльности предприятия не считаться близоруко лишь с непосредственным процентным приращением и погашением затраченного капитала, но и, сверх того, с возможностью развития всевозможных отраслей народного хозяйства, которое будет им вызвано. То же относится и к вопросу о приведении в пригодность для целей судоходства Тигра до Моссула. Если мечтать о возрождении области Двуречья для насаждения хлопка и злаков, что послужило бы к значительному развитию турецкого народного хозяйства, то достигнуть этого можно только при условии существования Багдадской дороги и судоходства на Тигре; оба же эти фактора находятся в прямой зависимости от разработки нефтяных залежей Месопотамии, что, в свою очередь, зависит от проведения соответственных соединительных веток. Также и сельскохозяйственная производительность в большей или меньшей степени зависит от дешовой нефти. Дождевые осадки обл. Двуречья сейчас так же мало отвечают нуждам сельского хозяйства, как и тысячи лет назад; это приводит к необходимости устройства системы орошения. Раз нельзя использовать для этой цели человеческую силу, которой недостаточно в этой малонаселенной области, придется применить моторные насосы, которые лучше всего, и не только в богатых нефтью странах, приводятся в движение нефтью.

Малочисленность населения Месопотамии тоже явится препятствием к развитию нефтяной промышленности. Вряд ли она вообще окажется возможной без привлечения к ней иностранных рабочих. Будет недостаток даже в неквалифицированных рабочих. Турция будет, следовательно, вынуждена поднять вопрос об иммиграции. Согласно основным законам Османского государства, будет уделено особое внимание привлечению возможно большего числа магометан. Для этого имеется достаточно источников вне пределов Турции. Стоит только подумать о жителях Индии, стремление которых к эмиграции так велико, что едва сдерживается всеми запретительными постановлениями английских колоний. Южная Африка, Канада и Австралия в одинаковой мере проти-

вятся эмиграции индусов; если им все же удается переселиться, то они подвергаются такому презрительному отношению, что мечтают о возвращении на родину. Поэтому многие предпочтут переселиться в это магометанское государство, если к тому представится возможность, и там будет обеспечен хороший заработок. Уже после англо-бурской войны открылся поток переселенцев из Индии в Багдад, к которым присоединились еще переселенцы из Персии и Дагестана. Далее, можно было бы хлопотать о переселении магометан из России; на кавказских нефтяных промыслах работает немало магометан, среди которых есть и квалифицированные рабочие.

* * *

С какой стороны ни подойти к этому вопросу, эксплоатация месопотамской нефти является для народного хозяйства и для государственного аппарата Турецкого государства делом первостепенной важности. Как ни мало обследованы до сих пор геологически нефтяные залежи Месопотамии, одно является несомненным: это то, что дело касается очень богатых и многообещающих месторождений, которые, при содействии современной техники и при наличии большого капитала, должны уже в течение первых лет дать значительную прибыль.

Будем надеяться, что немецкая предприимчивость себя там особенно выявит. Как сильно мы желали успеха нашей собственной нефтепромышленности, чтобы таким образом сделаться независимыми от русской, американской и румынской нефти, не требует пояснений. Если удастся соединить месопотамские нефтяные залежи посредством трубопровода с мировым океаном и мировым хозяйством,—а еще лучше посредством двух трубопроводов, из которых первый выходил бы в Персидский залив, а второй в Средиземное море,—то вывоз месопотамской нефти мог бы совершаться на наших наливных судах в интересах турецкого хозяйства, а нам самим он доставлял бы желанную нефть.

До войны Германии не удалось завоевать себе в экономической жизни Турции подобающее ее значению место.

Англия осталась тогда победительницей по всей линии в своем стремлении отстранить, насколько возможно, Германию от Персидского залива. Прежде всего Англия настояла на том, чтобы Багдадская дорога заканчивалась в Басре, а оттуда пришлось бы пользоваться Шат-эль-Арабом, судоходство по которому очень затруднено, вследствие песчаных наносов и лежащей перед самой гаванью мели. Далее, ей удалось в переговорах с Турцией о предоставлении ей концессии для эксплоатации месопотамской нефти настоять, несмотря на более старый договор с „Deutsche Bank", на том, чтобы в будущем синдикате „Turkish Petroleum Company" английский капитал участвовал в размере 50%, тогда как немецкий и голландский только в размере 25% каждый. К счастью, концессия тогда не была окончательно закреплена за Англией, по крайней мере, не была утверждена турецким парламентом. Ничего не изменил в положении вещей так-называемый „Багдадский мир" 1914 г., который должен был устранить самые неустранимые противоречия; разразившейся великой мировой войной он был аннулирован. То обстоятельство, что английские войска 21 ноября 1914 г. заняли Басру, потом продвинулись до Багдада, потом, после поражения при Ктезифоне и взятия в плен армии Таунсхенда в Кут-эль-Амаре, в начале 1916 года, год спустя, снова продвинулись до Багдада и к концу 1917 года дошли на севере, в средней Месопотамии, до Текрита на Тигре и на западе до Рамада на Евфрате, ясно указывает на то, какое *решающее* значение придает Англия этим областям. Следовательно, эти *области не должны остаться за Англией в мирное время*. Это искалечило бы Багдадскую железную дорогу; она заканчивалась бы в тупике, из которого она не имела бы никакого выхода к морю, если только она не решилась бы перейти совершенно в английские руки. Турция тоже оказалась бы изуродованной этим обстоятельством в такой степени, что уже никогда не могла бы рассчитывать на возрождение.

Что англичане и во время войны не упускают из вида своей цели—эксплоатации Месопотамии,—иллюстрирует тот факт, что в Басре, занятой ими 21 ноября 1914 г., в конце

1915 г. было открыто филиальное отделение „Eastern Bank“, находящегося в самом тесном общении с индийским правительством.

Английский капитал насадил во время войны в обл. Двуречья также и новые предприятия, имеющие целью эксплоатацию природных богатств Месопотамии. В середине 1916 г. было зарегистрировано в Лондоне общество „Persian Gulf and Mesopotamia Development Company, Limited“, капитал которого состоит из 50.000 акций, каждая по 1 ф. ст., из которых половина привилегированных. Общество ставит себе очень большие цели: оно собирается,—при чем странным кажется маленький начальный капитал,—приобрести и пустить в ход в Малой Азии и Месопотамии железные дороги и трамвай, суда, доки и верфи, соорудить электрические станции, основать банковские и торговые предприятия и осуществить много других начинаний.

Уже с давних пор обе единственные гавани оманского побережья и Персидского залива, обладающие хорошим фарватером и защищенные от бурь высокими скалами, находятся в фактическом владении Англии. Правда, нужно еще соглашение с Францией, чтобы совершенно прибрать к рукам Маскат. Но у Франции связаны руки; так или иначе она должна будет согласиться на это. Уже в течение многих лет Англия содержит в Маскате консула, проживающего с помпой в великолепном особняке и получающего значительно более высокий оклад, чем консулы большинства других государств на Востоке. Характерно, что этот консул относится к служебному персоналу английской Ост-Индии и подчинен ее правительству. Одновременно он занимает пост „политического агента“, как обычно все английские служащие на Востоке.

К английским консульствам по обе стороны Персидского залива причислены почта и телеграф, больничная и карантинная станция, охрана которых доверена отряду сипаев под начальством одного офицера. Кроме того, на рейде всегда находятся в распоряжении консула несколько военных судов.

Англия, таким образом, открыто преследует цель—сде-

лать Персидский залив преддверием Индии. На северо западном берегу Индии, в Карачи, являющейся прекрасной гаванью, она устроила док для ремонта судов, оружейный склад, мастерские и всевозможные портовые сооружения. Во время войны Карачи служил исходным пунктом для индийских войск и их военного снаряжения, направляемых на месопотамский театр военных действий. Если Англии удастся прочно взять в свои руки также Маскат и Ковейт, то Персидский залив превратится в английское внутреннее море, и тогда потеряют самостоятельность не только южная Персия, но и Месопотамия,—даже и в том случае, если последняя по мирному договору останется за Турцией.

На заднем плане английских проектов, на-ряду с политическим стремлением к захвату и „закруглению" владений, стояла, несомненно, и месопотамская нефть. Если даже и не заходить так далеко, как „Economist" от 11/XII 1915 г., который осуждал участие английского государства в „Anglo-Persian Oil C°" и даже утверждал, что „злосчастная месопотамская экспедиция была предпринята, главным образом, для защиты этих нефтяных земель, то все же стоит вне сомнения факт, что именно экономические возможности этой страны приковали взоры английских государственных людей. Правда, во время войны на первый план выступали политические цели. Англии нужен, кроме немецких колоний, которые она захватила в результате жестокой борьбы, благодаря только своему сильному превосходству, еще и другой залог, чтобы воспользоваться им во время мирных переговоров в бельгийском вопросе.

Для этого Месопотамия вполне пригодна. Если бы она смогла использовать случай, чтобы не выпустить из своих рук обл. Двуречья и провести по Евфрату границу Индии, то это для нее было бы еще более желательным. Таким образом, становится понятно, почему директор Англо-Персидского общества Е. Гринвей на общем собрании в Лондоне 8 янв. 1917 г. охарактеризовал предприятие этого общества, как „дело высочайшего государственно-политического значения для правительства" (a matter of the highest Imperial importance for the Government).

Если Англия останется хозяином Месопотамии, то месопотамские нефтяные земли пока-что были бы обречены на прозябание. Имея в руках персидскую нефть, Англия не заинтересована в развитии месопотамской нефтепромышленности, которая явилась бы конкурентом первой. Очен поучительно в этом отношении заседание нижней палаты английского парламента 29/VI 1914 г.

* * *

Что означает английская опасность для Турции,—безусловно вошло за это время в сознание каждого турка. Нет сомнения в том, что Двуречье в будущем сыграет огромную роль не только в экономическом, но и в политическом отношении. Тот, кто будет в состоянии использовать его для разведения хлопка и зерна, а также для добычи дремлющей под землей нефти, будет обладателем миллиардного богатства. Если Турция сохранит за собой эту область, чего мы ей от души желаем, и во имя чего мы будем готовы, в случае нужды, принести в жертву во время мирных переговоров наши интересы в другом месте,— конечно, взамен определенных компенсаций, в виде признания нашего экономического приоритета в Месопотамии,— то государство это имеет возможность упрочить свое финансовое положение хотя бы введением нефтяной монополии.

Желательно, чтобы ни английский, ни американский капитал не принимали участия в эксплоатации турецкой нефти; лучше всего, если она будет взята в руки самим государством, что безусловно будет отвечать интересам Турции, так как обеспечит ей длительный доход. Немецкая энергия смогла бы, тем не менее, найти себе применение в этой эксплоатации, для которой, прежде всего, потребуется масса всевозможных поставок (машины, трубы и т. д.) и значительный запас технического уменья. Где бы на турецкой территории ни возводились нефтяные вышки,— как в последнее время близ Мертвого моря обществом „Standard Oil C°",—где бы ни проводились грунтовые

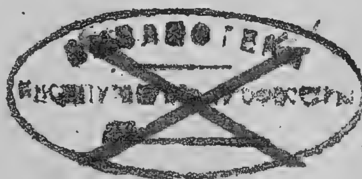
или железные дороги к нефтепромыслам, где бы ни понадобились моторы для судоходства и железных дорог, для оросительных и др. целей,—Германия сумеет показать, на что она способна.

Персидский залив занимает площадь в 240.000 кв. км., следовательно, по площади вдвое меньше Балтийского моря. По своим очертаниям он напоминает Адриатическое море, которое круглым числом на 100.000 кл. меньше его. Оба моря расположены в направлении с северо-запада на юго-восток; их северо-восточное побережье окаймлено высокими отвесными горными хребтами. Оба они имеют на юго-западе,—правда, Адриатика в меньшей степени,—плоское низменное побережье. Экономический центр тяжести обоих морей лежит на севере: в Адриатическом море—в Венеции и Триесте, в Персидском заливе—у Шат-эль-Араба и у устья Каруна. Оба моря к югу суживаются до 40—50 км. Подобно тому, как Отрантский пролив в Адриатическом море, в Персидском заливе Ормузский имеет в ширину 40—50 км. Этому внешнему сходству соответствует и политическое. В мировых планах будущего вопрос открытия или закрытия этих морей играет огромную роль. Также и свобода входов в них составляет предмет борьбы.

Если Великобритании фактически удастся превратить Персидский залив во внутреннее английское море, то политические условия, а также условия транзита и торговли в этой части света на долгое время примут опасный для всех прочих народов оборот. Не только Персия и Аравия, но также и Месопотамия и, вероятно, Палестина подпадут сперва под английский протекторат, а затем и под полное господство Англии. Багдадская железная дорога, проведенная до Басры или Ковейта, дала бы сокращение пути в Индию, по сравнению с путем через Суэцкий канал, на 2—3 дня, принесла бы Турции не избавление от пут Англии, но рабство Следовательно, если не удастся провести принципа свободы морей также и в отношении Персидского залива (как в отношении Адриатики), то не только Турция потеряет много-

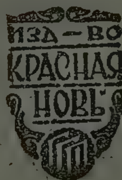
обещающие области Месопотамии, и не только Аравия и Персия будут предоставлены господству Англии, но и общие условия мировой торговли примут вследствие этого печальный оборот.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЦЕНА 48 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиженского пер.).

ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, дом № 5.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

